

Ар. 60 н.

0-46

К1 1032326

Натоллий Ольхон

124

сс
кр

Далеко,
в стране
Сибирской

Натоллий Ольхон

ОГНЭ - ИРКУТСК 1939

А Н А Т О Л И Й О Л Ъ Х О Н

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ

СИБИРСКОЙ

СТИХИ

ВРЕМЕНИ
ИСТОРИИ
ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ

В. ДИКА
ДОВ. А. П. ПЕВ.
С. П. П. П. П. П.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИБЛИОТЕКИ

ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИРКУТСК—1939

ПЕСНЯ НА ВИТИМЕ

Ветер северный, дунь
На реку —
На Тулдуень,
На таежную гарь
Снегопадом ударь!
Тучи спят на горах,
Холодны и темны.
В ледяных валунах
Желтый коготь луны.
Ты, звезда моя, встань,
Слушай бег падунов:
Бубном бьет глухомань,
Черный гром с берегов.
На медвежьем следу,
По расщелинам льда
Рвется в горы Тулдуень —
Голубая вода.
Ветер западный, дунь
На реку —
На Тулдуень!

Смолью пахнет сосна,
Входит в горы весна.
Родниковой водой
Разольется река,
Золотою слюдой
Заблестят облака.
Подрывая гранит,
По ущельям глухим
Водопад загремит
И сорвется в Витим.
Так и песня моя,
Голос северный мой,
Славит наши края,
Льется теплой волной.
И навстречу весне
По дорогам глухим
Наяву и во сне
Половодит Витим.

*Тулдунь—на Среднем
Витиме, 1936.*

ВЕСНА ОКРАИН

...От Москвы, до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной родины своей...

В. Лебедев-Кумач.

ЕНИСЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

1. Запевка про рыбака Беднягу

...На Курейке это было, на Курейке...
Жил тогда один Бедняга в зимовейке.
В зимовейке, в пустоплесье жил да был,
Туруханскую сельдьятку он ловил.

Туруханскую сельдьятку
Промышлял он по достатку,
А достаток рыбака—
Два долбленных челнока.

Много выловишь—не вынешь:
Сеть изодрана, стара.
Мало выловишь—погинешь,
Как придет зимы пора.

Бедовал рыбак, томился,
В зимовейке горевал.
На реке весь день возился,
Рыбу в сеть подстерегал.

По весне смолил одóнья,
Весла к лету мастерил,
Для бочат готовил донья,
Трубку длинную курил.

Лютой стужей у печурки,
Солнца ожидаючи,
Плавника сухие чурки
Расщеплял играючи.

Словом, был он работяга,
Хоть по возрасту старик...
Жил и прозвищем—Бедняга--
Огорчаться не привык.

Толковал себе дедуня:

- Мол, живу не первый век,
- С той поры как ветер дует,
- Не был счастлив человек.

- Счастья нет простому люду,
- Мы зовемся: голытьба.
- Жизни нет другой; отвсяду
- Супротив идет судьба.

- Стало быть, и мне, седому,
- Суждено так на роду:
- Быть голóдну и худому,
- Не изжить никак беду.

- Туруханскую сельдятку
- Наловлю да напорю;
- Измотаюсь до устатку,
- В пустоплесье и помру.

Сам с собой такие речи заводил он в зимовейке...

Это было в Заполярье, это было на Курейке.

2. Прибытие Сталина

...На Курейке это было, на Курейке..
Приставала в берег лодка к зимовейке,
Лодка с парусом, дощаная, с венцами,
Лодка царская, казенная, с гребцами.

Из той лодки выбегали конвоиры—
Хуже не было злодеев по Сибири—
Все брыластые, щербатые лукавцы,
Все опричники жандармские, сквернавцы.

Позади их вылез главный генерал,
На погонах—двоглавые орлы.
Только вылез он на берег, заорал,
Вынул грамоту цареву из полы.

Тут из лодки, из казенной, из дощатой
Конвоиры выводили воровато—
Все с опаской,
Да с оглядкой,
Да с пронырой —
Человека выводили конвоиры.

Был он ростом и плечами крепок ладно
И одет был по-простому, не нарядно;
На рубахе наволо́чной медна пряжка,
Сапоги на нем смазные и фуражка.

Вышел на берег, на солнце улыбнулся
И спиною к генералу повернулся.

Осерчал, надулся главный генерал
И указ царев в три глотки заорал.

Ну, известно, у жандармов сказ недолог:
Так и так, значит, царев страшнейший ворог
Поселяется Иосиф Сталин на Курейке,
В этом самом, значит, дальнем зимовейке.
Поселяется отныне и навеки—навсегда:
Ни пути ему, ни тропки никуда.

Чтоб никто не смел его кормить или дарить
И речей с ним по-знакомому водить.
Пусть загинет царский нёслух в зимовейке.
...На Курейке это было, на Курейке...

3. Сталин у рыбака Бедняги

...На Курейке это было, на Курейке...
Отдыхал товарищ Сталин в зимовейке,
В зимовейке поджидал он рыбака,
Ел сельдьятку туруханску с уголька.

Зимовейко грязновато, неприглядно,
Пузырем закрыта рама-наколотка.
Нара тесаная, чурочка да складня,
Закопчёное ведро да сковородка,
Сети драные, багорчики да нитки—
Вот и все, в виду, рыбацкие пожитки.

Неприглядно зимовейко, да приветно.
Вечерком хозяин к дому подобрался,
Поклонился гостю он ответно,
Поздоровкался и вкрест поцеловался.

Угостил его духмяною ухюю,
Напоил его брусничною водою,
Напоследок по-душам поговорил,
Подад трубку-таволожну: покури...

Самосадам, енисейским корешком,
Продымили они избу с потолком:
Был горазд курить любезный гость,
А хозяину давно так повелось.

Утром гость пошел с Беднягою рыбачить,
Греб веслом заправски, деловито,
Принесло на тоню к ним удачи:
Осетрины и сельдятки маховито.

С той поры у них пошла такая жизнь—
Будто старые знакомые сошлись,
Нара общая и трубочка одна...
Это было, братцы, в давни времена,
Это было в самом дальнем зимовейке,
...На Курейке это было, на Курейке...

4. Зимние беседы

По зазимку бродит вьюга на Курейке,
Куропатки жмутся ближе к зимовейке.
В темной хате старикана-рыбака
Жарко теплится загнета камелька.

С полуночи дует сиверко-сквозняк,
Старый невод чинит вечером рыбак,
Чинит невод, крутит нитку на обмот
И беседу с гостем длинную ведет:

- Ты скажи, о чем задумался давно?
- Что ты пишешь, дорогой мой, милый гость?
- Расскажи, если тебе не все равно,
- Может, горюшко какое завелось?..

Гость у столика дощатого сидел —
 Вечерами при лучине он писал —
 Улыбнулся стариковской бороде
 И такую речь ответную сказал:

- Догадался ты, старинушка, как раз,
- Горе есть одно с тобой у нас:
- Горе тяжкое—народная судьба,
- Дума важная—народная борьба.
- Тяжело тебе, Бедняге, и другим.
- Жизнь несладкая, неладная идет,
- Всюду кйчатся народные враги,
- Перемучился, исплакался народ.
- Вот и думаю, старинушка, одно:
- Надо вывести людей на светлый путь.
- И борюсь за это дело я давно,
- И не может мое сердце отдохнуть...
- А пишу я книгу жизни новых лет.
- Близо время, ждут товарищи мои.
- Скоро ты, старик, увидишь свет,
- Только тайну эту крепко затаи.
- Слышу я, как просыпается народ,
- И крестьяне, и рабочие встают:
- Мать-земля мне вести подает,
- Ветры грозные над миром бой ведут.

- Как начнется буря, грянет гром,
- Против всех никто не устоит.
- Мы народ дорогой новой поведем.
- Вот о чем, старик, раздумьица мои...

Обмахнул глаза Бедняга рукавом,
 Сеть повесил перед самым камельком,
 Обнял гостя и низенько поклонился:
 — Ты прости, по-стариковски—прослезился.

- Взяли за́-душу меня твои слова,
- Поседела от ненастья голова,
- Сотню лет живу, без малого, на свете,
- Не слышал речей таких, как эти...

- Человек ты небывалый, вижу въяве,
- Будешь ты сиять в народной славе;
- Чую сердцем: будешь вождь народу,
- Ты нам дашь и счастье и свободу...

- Сотню лет живу, без малого, на свете,
- Сотню лет живу, а жизни не заметил,
- Умирать я собирался,
- Да тепере поживу:

- Жизнь счастливую увижу не во сне, а
наяву.
- Научи меня бороться за свободу,
- За тобой, дозвошь, пойду в огонь и в воду,
- Не пропала жизнь моя напрасно в
зимовейке...

...На Курейке это было, на Курейке...

5. Побег с Курейки

...На Курейке это было, на Курейке...
Белой ночью стало пусто в зимовейке.
Белой ночью, пустоплесьем, по протокам
К Енисею вышла лодка издалека.

Вышла лодочка-долбянка с парусочком,
Шелестела через отмели песочком,
По струе пробилась к югу, к Турухану,
Прямо шла она по ветру, по туману.

Оплывая на заливчиках коряги,
Шла долбянка в енисейских изворотах.
На руле ее сидел старик Бедняга,
А товарищ Сталин веслами работал.

Днем рыбачили они в затонах,
На костре уху себе варили,
Отдыхали на обрывах-крутосклонах
И ночами потихоньку дальше плыли.

В Туруханске настигала их погоня,
Лютовали полицейские-собаки,
Понадеялись, что скоро их догонят,
Объявили все их признаки и знаки.

Наградим, дескать, ловите поскорее,
Захватите их на лодочке умело...
Ну, да не было людей на Енисее,
Кто пошел бы на предательское дело.

Мать-земля сама их укрывала—
Укрывала их туманом без прогляда.

Мать-вода на шиверах им помогала—
Отводила их струей от водопада.

Так ушли они без следу, неизвестно,
И до самого семнадцатого года
Кочевали на посёльях повсеместно—
Среди бедного сибирского народа.

И до сей поры толкуют старожилы,
Енисейские ловцы и работяги,
Как давно когда-то вместе жили
Вождь народов и старик-рыбак Бедняга,

Как они когда-то жили в зимовейке.
...На Курейке они жили, на Курейке...

6. Припевка

Городок растет на месте зимовейки.
Самолеты пролетают вдоль Курейки.
На графитных заполярных рудниках
Звонки утренние рокоты гудка.

Ледоколы вышли в новые походы.
На Игарку уплывают пароходы.
И широкой тундровой тропею
Пастухи оленей гонят к водопою.

В Заполярье жизнь шумит большая,
В песнях нет печали и тревоги.
Ледовые горы разрушая,
Протянулись новые дороги.

Ярко светит солнце в нашем мире:
Нет забот и гнета векового.
И по всем окраинам Сибири
Славят люди Сталинское слово,

Славят люди Сталинское дело,
Книгу жизни радостно читают.
И о том, что в бурях прогремело,
Все народы в песнях вспоминают.

И поют певцы на Енисее,
И ведут сказанья старожилы
Про того, кто тьму ночей рассеял...
(Эти сказы мы в напевы положили).

Он Отцом Народов назван тундрой,
Наш учитель и простой, и величавый.
Славен он своею силой мудрой,
Вечен он своей народной славой.

И о нем слагаются былины,
Сказы чудные, легенды и преданья.
Помнят чащи и нагорья, и пустыни,
Где когда-то он бывал в своих скитаньях.

Говорит одно сказанье, будто ныне
С ним в Кремле живет Бедняга старей.
И в столице, нашей родины твердыне,
На беседу к ним приходят комиссары.

- С ним народ
- И он с народом воедино:
- Неразрывна эта сила в новом мире!..

Так сказал мне, расчесав свои седые волосы,
Древний сказочник на севере, в Сибири.

Я запомнил его дедовское слово,
Как сидели мы в ловецком зимовейке,
Записал я эти сказы рыболова,
Белой ночью, в Заполярье, в тундрейке.

Енисейская тайга—Иркутск. 1936—1938.

ПРАЗДНИК ТУНДРЫ

Сказы

Песня ненецких пастухов

Дети тундровых поселений,
Не жалейте ремней лосиных,
Выбирайте лучших оленей,
Тонкорогих, широкоспинных,
Самых сильных и быстроногих...
Пусть прославится наше стадо.
Для счастливой большой дороги
Самых лучших оленей надо.

Снег ложится на новоселья,
Все дороги для нас открыты!
Дети тундрового поселья,
Нарты праздничные берите,
Нарты писанные, резные,
Полоз—с выгнутыми концами,

Нарты новые, разъездные,
Изукрашенные бубенцами.

Завтра утром поедет знатный
Гуртоправ наш, Калтан Бодонов,—
Премированный многократно,—
Гордость северных оленегонов.

Он поедет подлеском ча́стым,
Прямо к Тясинской культбазе,
К избирательному участку..
Повезет он с собой в наказе

Волю сердца ненецкой тундры,
Радость жизни ненецкой новой
И Мудрейшему из мудрых
Благодарности нашей слово..

Нарты праздничные украсим,
Самых лучших впряжем оленей,
Ветер песню поет о счастье:
— Дети тундровых поселений,

На дорогах больших и малых
Снег ложится пушистой пеной,
На дорогах больших и малых
Мы погоним своих оленей.

Завтра праздник советской тундры!
Завтра праздник колхозной тундры!
Завтра праздник счастливой тундры!
Завтра праздник свободных ненцев!

**Калтан Бодонов—оленный пастух—
едет на выборы**

Пестрые ленты по-ветру вьются,
Ветру навстречу нарты несутся,—
Сытые олени друг за другом
Топают копытами по застругам...

Лог, перелог,
Бугор, низина.
Мерзлое озеро,
В снегу—трясина.
Кустарник,
Кочкарник,
Даль голубая.
Как широка ты,
Тундра родная!
Все здесь знакомо
Вдоль-поперек:
Каждое озеро,
Каждый лог...

Долгие годы неволи былсй
В памяти встали
Метельной волной...

Здесь кочевали
Отцы и деды,
Счастья не знали
Друзья-соседы;
Чумы дырявы,
Оленей мало,
Соболь повымер,
Песца не стало:

Русский купец
Да кулак-ненец
Тундру родную
Зорили вконец.
Водкой купец торговал с прибытком,
Поп с крестом забирал пожитки:
Пей, молись,
В три поклона гнись!..

Плакал бедняк
Не слезами—кровью,
Ехал бедняк
Горевать к зимовью,
Ехал бедняк
Бобылить, батрачить,
Чужие стада
На приплод артачить.
Солон, жесток кулацкий хлеб.
Батрачил отец пока не ослеп:
Съела трахома отцовы глаза,
Мертвой рососою стала слеза.
Так и пошли они, вьюги, невзгоды—
Темные зимы, мутные воды.
Возле дверей у чужого жилища
Вырос Калтан, бесприютный и нищий.

Холодно спать у чужих очагов!
Голодно жить у кулацких шатров!..

Горькую долю приняв по наследству,
Батрачить Калтан пошел с малолетства;

Только одна у него дорога—
Гарь моховая, пастушья берлога.
Только одна у него забота—
Чтобы олень не ушел с болота,
Чтобы хозяин не выгнал голым,
Чтоб не избил прутягом тяжелым.

А жизнь проходила,
Кострами дымила,
Хозяйским объедком
Калтана кормила,
Обноском хозяйским
Его одевала,
Плеткой хозяйской
Его подгоняла...

Русский купец,
Да кулак-ненец
Бедные чумы
Зорили вконец.

Русский купец торговал с прибытком,
Поп с крестом забирал пожитки:

— Богу молись,
— Нужде покорись!..

Темная, лютая, дикая жизнь.

.
Годы летят, как нарты с горы,
Память костром придорожным горит,—
Ярче костер пламенеет на старость:
В чумы приходит желанная радость,

Бывший батрак Калтан Бодонов, —
Силой и славой советских законов,
Алых огней долгожданного счастья, —
Едет на выборы Высшей Власти.

**Тясинская культбаза—избирательный участок
ненецкой тундры**

На перекрестке кочевых дорог,
Где зверолов встречал олсеневода,
Валунный камень мамонтом залег
На месте встреч ненецкого народа.

Отсюда шли аргишить через горы,
Ловить песцов брели на океан,
Здесь родовые распри и раздоры
Судил сутяга, бешеный шаман.

Здесь были ярмарки и пьяные крестины,
Здесь торговали русский царь и бог,
В ясак платились лучшие бельчины,
И соболей купец грабастал в долг.

Но глубоко кочевий тропы взрыли
Нагую грудь болотистой земли,
И сколько „инородцев“ ни крестили,
Их приучить к покорству не могли.

Напрасно и туземная „управа“,
И поп-миссионер, и кулаки
Твердили про российскую державу,
Про „белого царя“ и власть „его руки“.

Народ ненецкий клял царя и бога,
Свою вражду и ненависть таил,
И песни пел в кочующих дорогах
У родовых стоянок и могил.

.

Встречает зверолов оленевода
На перекрестке кочевых дорог,—
На месте встреч свободного народа
Валунный камень мамонтом залег.

На месте встреч—построена культбаза,
Широкие и светлые дома,
В которых отражается стогазо,
Сиянием полярная зима.

Здесь—интернаты,
школы,
магазины,—
В просторе тундры—новый городок,—
В глухом краю промерзнувшей низины
Певучей жизни светится поток.

Здесь сталинская теплая забота,
Счастливых дней родные берега;
Здесь учат жить,
бороться
и работать
И побеждать последнего врага...

.

Сегодня за культбазой, в луговине,
Ветвистый лес качается живой,
Олени бродят темною лавиной,
Взрывая жирный выпас моховой.

Горят костры у камня и за камнем,
Рядами нарты узкие встают,
И старики, толкуя о недавнем,
Хвалу и славу родине поют.

Воспоминанья, сказы и былины,
Печаль о тех, кто счастья не узнал,
Сменяют песни северной долины
И молодежный, шумный карнавал.

Цветут плакаты полымем восходов,
Ненецким словом внятно говорят:
— Сегодня Праздник Радостных Народов!
— Сегодня вышла новая заря!
— Сегодня Выборы...

Тамга

Соболь чует свою тропу,
Охотник читает следы,
Пастух никогда не забудет путь
К заливам Большой Воды.

Лайки помнят знакомый чум,
Семга знает реку,
И весенний глухарь-ворчун
Каждый год на одном току.

Эту память знакомых мест,
Эту память родных примет,—
Затаенного смысла весть,—
Хранит тундра
На сотни лет...

И у ненцев в каждой семье
Есть родной условный знак,
В каждом чуме, в каждом жилище
Хорошо его знает всяк.

Это подпись, печать семьи,
Называется он—тамгá.
Этим знаком родные, свои,
Отличают друзей от врага.

Зверобой на деревьях тайги
Оставляет товарищу весть;
Рыболов по рисунку тамги
Узнает, кто на ловле здесь.

Пастухи ягельных болот
Режут метку в оленьих ушах,
И фактория счет ведет
По тамгám на песцовых мехах.

Житель тундры, юн или сед,
Путь-дорогу найдет в пургу,
Знает грамоту или нет,
Но всегда прочтет тамгу.

.

В магазине культбазы с рассвета
Покупателей шумный ряд.

Покупают вождей портреты,
Буквари берут нарасхват.

Покупают внуки и деды,
Звероловы и пастухи.
Молодые друзья-соседы
Ищут пушкинские стихи.

Первый мастер оленегонов,
Сединою посеребрен,
Заявил продавцу Бодонов,
Что, хотя и неграмотен он,

Но—ему прочитали толково —
Он запомнил на весь свой век
Конституции Сталинской слово,
Чем гордится сейчас человек.

Заявил продавцу Бодонов,
Что, хотя и неграмотен он,
Книгу жизни правдивых законов
Покупает сегодня Бодон.

И еще попросил Бодонов
Дать портрет ему, лучший, тот,
Где великий Отец Народов
Взором дружбы к себе зовет.

.

К избирательному бюллетеню
Был приложен простой портрет
Славы нашего поколенья,
Вдохновителя побед.

На портрете Вождя Народов
(Знает тундра и тайга!)
Твердым росчерком оленоведа
Нарисована тамга...

Кровной близостью крепко слиты,
Чувством искренним дорогим,
Сердцем северным, открытым,
Знаком тундровой тамги.

Это подал Калтан Бодонов
Избирательный бюллетень,
Это встретил Калтан Бодонов
Праздник тундры, великий день.

Это знак, что родной и мудрый
Был и будет отцом для нас,
Это слово ненецкой тундры,
Наша песня и наш рассказ.

Ветер Заполярья

В бескрайних просторах кочуют стада,
Косматые топчут мхи;
Весною, едва задымится вода,
Приплод перечтут пастухи.

На синих отрогах блистающих гор
Дороги кочевий слились.
Богатая тундра, широкий простор:
Работай, живи, веселись,

Мышкуют псец, куропатка летит,
Нерестится рыба озер...
Поселки колхозов на дальнем пути
Приветливо радуют взор.

Хозяина тундры—ненецкий народ—
Весенняя песня, прославь!
Сегодняшний день заполярных широт—
Мечта, обращенная в явь.

Лихие столетья, ярмо кабалы—
Вчерашний, несолнечный сон.
Сердца, пробужденные светом, теплы
В заре величавых времен.

Жизнь—праздник труда
и борьбы,
и побед...

Высокие звезды зажглись.
Оставь на земле свой отмеченный след:
Работай, люби, веселись.

Полярным сияньем на снежных полях
Ненецкая тундра цветет.
Пусть славится наша Большая Земля,
Пусть песню о счастье поет!

Восточная Сибирь. Декабрь, 1937.

ВЕСНА ОКРАИН

Да! Я вижу весну окраины.
Возле пастбищ оленсовхоза
Поднимается дым испарины
От последних рывков мороза.

На Курейке поют шахтеры,
Добывают слои графита.
У Норильска крутые горы
Рассыпаются антрацитом.

С лесорубом в тайгу вломилась
Заводская гармонь ладами,
И чащоба расступилась
Перед нашими топорами.

Юраки с берегов Таймыра
Загоняют песцов в питомник.
Это новая песня мира
Разбудила глухой кедровник.

Зверобои идут на Диксон,
Там, в заламах, морские звери,
Там полярник, с зимовкой свыкся,
Открывает на север двери.

День и ночь по речным просторам
Уплывают плоты в Игарку,
Электрическим пилам скоро
На работе придется жарко...

Дело мужества, дело чести
Завоевывать пространство.

Каждый день мне приносит вести,
Вести северных радиостанций:

Стройка базы на Анадыре.
Рейс весеннего ледокола.
Наша поступь смелей и шире
Льды столетние расколола...

Кличут птицы в цветах проталин,
Голубеет разлив рассветов:
Это — песня весны окраин,
Это — утро страны Советов.

КОЛЫМСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

За четыре шага
На олени рога
Опускается лютая ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухоманное место — урочье.

Место — город Колымск.
Месяц — тундровый март.
Россыпь звезд накануне весны.

Скрип взлетающих нарт,
Бледной вьюги азарт
Навевает тревожные сны.

Но у самой последней избы, за углом,
Теплый хрип и качанье рогов,
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезенный с других берегов.

Спит Колыма-река, промерзая до дна,
Но ледяшкой стучит почтальон.
На страницах газеты приходит весна
Потеплевшим дыханьем времен.

И пока, отдыхая, в горячем поту
Почтальон распивает чай,
Колымчане, проснувшись, спешат в темноту
Проверять ожиданья свои.

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливой соседей-гостей.
Будто ярче играет полунощный свет
Отраженьем больших новостей.

В многолюдье, оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий — четыреста синих снегов,
Пять завьюженных, северных дней.
Сквозь туман — колыханье оленьих рогов,
Торопливые скрипы саней.

Ошалелые вьюги разводят азарт,
Но спокойны полярные сны.

Место — город Колымск,
Время — тундровый март,
Россыпь звезд — накануне весны.

1935.

ВРАГ ТУНДРЫ

1

Слушайте!—Так говорит бедняк,—
Волос на нём, словно тундра, сед,—
Слушайте, так говорит бедняк:
— Ночь переходит в свет...

Отец, изменивший моим друзьям,
Будет врагом мне.
Брат, обманувший моих друзей,
Будет врагом мне.

Песня, которая днем темна,
Это песня врага.
Тень, висящая над тобой,
Тень твоего врага.

2

Высохший мох идет в сорняк,
Мертвому места нет.
Слушайте, так говорит бедняк:
— Ночь переходит в свет!

Зиму ты рыщешь по свежим следам,
День и ночь в снегу,
Ладони сжимают крутой бердан,
Прицеливаешься на бегу.

Добыв серебристый, пушной запас,
Домой сзываешь собак...
Но в юрте встречает недобрый глаз —
И это: твой враг.

Имя его: перекупщик мехов,
Тундровый спиртонос...
Враг охотников и пастухов,
Пусть он сгинет в мороз.

3

Вода размывает протаявший лед,
На север несется весть:
Юрацкая песня в колхоз зовет —
Тебе там место есть.

Олени приносят богатый приплод,
Жуют молодые мхи.
Колхозное стадо ветвисто растет,
Проверены пастухи.

И только один у колхоза враг
На каждый весенний день,
Прячет в болотах тяжелый шаг
Черная, злая тень.

Враг беспокоит рогатый табун,
Отравой кормит собак,
Врагу помогает шаман-шептун,
Старый горбач, кулак.

4

Бегут шептуны от колхозных костров
На берег чужой реки,
Дырявые шкуры своих шатров
К шаману несут кулаки.

Прищурился голодный, трахомный глаз,
Грохочет в бубен шаман.
Он темный и тайный ведет рассказ,
Проклятья шлет в туман.

Кулак, спиртоносы и скупщик мехов
Сидят у шаманских юрт,
Ругают общественных пастухов,
Хулят молодой гурт...

Шаман не разгонит оленьих стад,
Бессильны заклятья богов.
Юрацкий колхоз не пойдет назад,
Но зорко следит врагов.

Они, как лисицы, по кругу бегут,
Глаза их в чужой крови:
Смотри, не давай врагу приют,
Хищного зверя — дави...

Высохший мох идет в сорняк,
Мертвому места нет.
Слушайте, так говорит бедняк:
— Ночь переходит в свет!

Отец, изменивший моим друзьям,
Будет врагом мне.
Брат, обманувший моих друзей,
Будет врагом мне.

1936.

ОХОТНИК

Рысьим мехом подбиты лыжи,
Тускло блещет ружейный ствол,
По тайге за собакой рыжей
Верст с полтысячи он прошел.

Снегопады, туман, метели,
Дымный полог ночных огней;
Крепкий сон в снеговой постели,
Лихорадка счастливых дней.

Молодая звезда отважных
Поднималась в разломы гор;
Лыжный шаг в кедрачах коряжных
Прострочил голубой узор.

Хищнозубый, проворный соболь
Трое суток следы мотал,

Черный мех его пулей добыл
И на выдровый след попал.

Не ушла от него добыча,
Не напрасно заряд губил;
Поднимая приклад привычно,
В глаз, без промаха, белку бил.

В зимовье на распялках шкуры,
Пестроцветный пушной подбор:
У лисицы подшерсток бурый,
Белка вышла—на первый сорт.

Колонки молодые нежны,
Росомахи—в три искры бок,
А у выдры нагул подснежный
Сединой по хребту натек.

Год хороший—для всех хороших
Мастеров огневой игры.
На тропах глубоки пороши,
Сладок дым смолевой коры.

Рысьим мехом подбиты лыжи.
Темной сталью сверкает ствол,
По тайге за собакой рыжей
Верст с полтысячи он прошел.

Баргузин, 1937.

БАЙКАЛЬСКИЕ РЫБАКИ

Мы вместе ходили в море,
Разматывали невода,
Для нас в ледяном заторе
Тюленьи паслись стада.

Мороз и студеный ветер,
К ним сердце свое приучу;
Все бури, что есть на свете—
Мы встретим плечо к плечу.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдет:
Мы знаем свирепую воду
И омуля тайный ход.

Путина—удача смелых,
Рули за кормой дрожат.
И невод в руках умелых
Подводный берет урожай.

Встречают нас заливы
Спокойны и широки,
Костров огневые гривы,
Сигналы и маяки.

Смоленные лодки рядом
Становятся на якоря,
С востока горячим взглядом
Приветствует нас заря.

Серебряною чешуею
Богатый скользит улов,

Расплавленной слюдою
Стекает вода с бортов.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд
Былинный Байкал по-праву
Счастливым теперь зовут.

Лиственничное, 1937.

ЗАГОН ЛОСЯ

Хрустким шорохом по насту
Надвигается ненастье,
В луговинах пылью стелется
Снежной россыпью метелица.
Закрутила,
Разметалась.
— Догоняй, поди...
Сосны тянут лапы хвойные:
— Не тронь, уйди.
Кедры темные, косматые
Гудят вдогон,
Сучья гнутся узловатые
Со всех сторон.
Разошлись лесные тропы
Вкривь и вкось.
Поступь тяжкую торопит
Старый лось...
Ледяная настовина
Режет ноги исполина,

Индевё мне колышутся рога,
На загровке шерсть колюча и туга.
На ходу трясет губою,
Бьет лобастой головою
Сучья мерзлые сухие,
Толчет кочки снеговые,
В перелесицах крутых
Надрюлом крушит кусты.
Мчится темный,
Мчится дикий
Все быстрее, быстрее, быстрее.
Пар струится из ноздрей...
А по следу кровавому,
По густому бурелому,
Вьюге северной навстречу,
Полушубок сбросив в снег,
Зарядив бердан картечью,
Краснолицый,
Молодой,
На летучих, скользких лыжах
Сквозь метель все ближе, ближе
Гонит лося зверобой.
В сатинетовой рубаше,
Пестрый ворот распахнув,
Голой грудью гонит стужу,
Меж лесин проворно кружит,
С перевалов вихрем мчит:
Гонит,
Ухает,
Кричит...
Зверобой не знает страха.

Ветром сшиблена папаха,
И кудрявый сноп волос
Сединой покрыл мороз.
Тучи тянутся к закату,
Лютый ветер бьет тайгу,
Наст под лыжами с раскату
Оседают на бегу.
След кровавый прибывает:
Лед копыта разбивает,
Лось, башкой мотая вяло,
Продирается устало
Сквозь осинник,
Сквозь ольшанник,
Сквозь кедровый
Колкий сланник,
И, взметнув горбатый лоб,
Вязнет тушею в сугроб...
Надорвавшись, хрипло дышет,
Снег крупчатый жадно лижет.
Тает льдистая кора.
Глаз кровавый. Шерсть мокра.
Ловит ухо... Ближе, ближе...
Подвигается на лыжах
В сатинетовой рубахе,
С голой грудью, весь в поту,
Краснолицый, без папахи,
Вскинув дуло на лету,
Победитель молодой—
Баргузинский зверобой...
Приподнялся лось упрямо,
Поднял белые рога.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
БИБЛИОТЕКА

Но хлестнуло с громом пламя
И обрушилось в снега.
И, ломая наст каленый,
Рев раздался запаленый...
Зверь подпрыгнул и упал.

Витимская тайга, 1936.

ВЕСНА ЯКУТИИ

Широкий твой путь,
Расцветающий край,
Идет от отцовской тоски,
От ссылок и тюрем,
Сквозь каторжный грай
На тундровые пески.
Кандальною ржавчиной
Выгранен путь.
И память еще свежа:
В Якутск и в Колымск
Проторили путь
Этапы политкаторжан...
Столетние кедры
Опять расцвели,
Вздыхают ленские льдины.
Весной—
На окраинах
Советской земли
Цветут голубые пустыни.
К ягельным болотам
Выводит стада

Колхозник-оленеvod,
Охотник на отдых
Кладет бердан
И невод готовит в ход.
В ложбинах Алдана,
Снега разодрав,
Смолой истекают лесины.
Якут-лесоруб
Начинает сплав
Экспортной древесины.
Весна налетает
Ватагами птиц,
Олени приплода ждут.
Янтарное солнце
Приветом зарниц
Встречает свободный труд.
Морозные ветры
Прощально гремят
В снегах верхожанских мест,
Над юртой-читальней
Туземный плакат
Приветствует партсъезд.
А в небе,
Над зыбью
Тяжелых болот,
Над россыпью
Вечных мерзлот,
Как знамя эпохи—
Якутский пилот
На север ведет самолет.
Горы и тундры

Дадут урожай—
Тепла не исчерпать до дна.
Вы слышите,
Дети политкаторжан,
В Якутии
 нынче
 весна.

ГУДОК В ТАЙГЕ

Там, где кедры в четыре обхвата
Поднялись пышнохвойной стеной,
Закипает Витим в перекатах
Непокорной осенней волной.

В рыжеватых щербатых гранитах
Разъяренная мчится вода,
И хрустит на порогах размытых
В сентябре ледяная руда.

Ветер гонит дожди и туманы,
Раздувает отвалы песков.
Высоко поднялись на курганы
Золотые огни приисков.

Опоясали сопки крутые,
Растеклись вдоль угрюмой реки
Провода, будто жилы литые,
Электрические маяки.

Над лесными поселками тучи.
Но, едва просветлеет восток,

По тайге молодой и певучий
Разливается ранний гудок.

Глухомань оживает. С Витима
Тянут гуси в осенний пролет,
Над чащобами запахи дыма
И туман от далеких болот.

Просыпаются птицы и люди.
— С добрым утром,—при встрече
привет...

Наш гудок эти чащи разбудит,
Перегонит таежный рассвет.

Стоголосое эхо в ущелье
Осыпает волнующий зов,
И старатели на новоселье
Разжигают костры у шурфов.

Ленская тайга, 1937.

ПРИИСК „НОВЫЙ“

По солнечному кругополюю
Ключи прозрачные шумят,
В горячий полдень пахнут смолью
Широкобокие дома.

Цветов веселые обновы
Обрызгал шумный водомет.
В июльский полдень прииск „Новый“
Таежным городом встает.

Здесь глушь была.

Здесь пусто было...

Медведи прятались в горах.

Здесь лоси бешено трубили,

Висела тучей мошкара.

Здесь ни дороги, ни тропинки

Никто не видел и не знал,

Лишь горноста́й по хворостинке

Скользил в сосновый буревал.

Декабрьской ночью здесь шатала

Пурга корявые стволы,

Нагие ветви чернотала

Густели в трещинах скалы.

Скучали сосны о сугреве,

Вода кипела в берегах:

Спокон веков здесь глушь и север.

Земля на Севере строга.

Но люди шли сюда бесстрашно,

Взрывали горы напролом,

И догорел, как день вчерашний,

В кострах походных бурелом.

Здесь юность с песнями трудилась,

Вела дороги за собой,

И „Новый“ прииск гордо вырос

В стране от века нежилой.

Через таежные просторы

Медведь в зыбун откочевал,

Гудок победный будит горы,

Граниты рушит аммонал.

И в побежденное пространство,
За каменные горбы
Прошли огни электростанций
И телеграфные столбы.

Сюда, в полярное полесье,
К форпосту северной земли
И на горах, и в поднебесье
Дороги твердые легли.

Как улей—полный и кипучий—
Раскрыт для радостной весны,
Богатства недр и гор дремучих
Открыты нами для страны.

Хранит богатства прииск „Новый“...
И песни здесь о том поют,
Что нашей родине готовы
Отдать и жизнь и славный труд.

Баргузинская тайга, 1936.

ПЕСНЯ ЛЕНСКИХ ШАХТЕРОВ

Пласты упрямой мерзлоты
Дробит шахтерская кайла.
На сорок метров глубины
Легли сплошные пlyingуны,
И наша шахта их прошла.

Гремуч подземный, черный лед,
Лиха студеная вода.
Но, прорываясь сквозь поток,

Мы золотой берем песок,
Не отступая никогда.

Гудит в заламах динамит,
Обшивку гнёт напор тугой,
Кайла мерзлоты прогрызет,
Грунты откатка отвезет,
И новый мы возьмем забой!

Шахтерской силе нет преград,
В наследство—мужество у нас...
И на витимском берегу
Мы кровь запомним на снегу,
Отцов запомним мы наказ:

Врагам народа—смерть за смерть!
Апрельской кровью флаг цветет.
За славу Родины труда,
За дело Сталина всегда,
Горняк-стахановец, вперед!

Крепи могущество страны
И на земле, и под землей.
На сорок метров глубины,
Сквозь мерзлоту и пльвуны
Гуди, стахановский забой!

Бодайбо, 1937.

МОИ ДРУЗЬЯ, СЕВЕРЯНЕ...

...Нас взлелеяло Сибири
Небо дальнее одно,
О, немногим в целом мире
Было дорого оно.
Но кому оно так мило,
Как, быть может, мне с тобой...

В. М. Михеев.

МОСКОВСКИЙ МЕРИДИАН

Ночные радиogramмы

Оступаясь в сугроб до колен,
Просыпается мыс Уэллэн.

Звездный иней летит пургой,
Льды хрустят голубой шугой.

Днем и ночью темным - темно...
Только там, на краю пространства,

Днем и ночью блестит окно
Уэллэнской радиостанции.

Мачта, поднятая упрямо,
Пробивает ночной эфир,
Аварийную радиogramму
Напряженно ловит мир:

- В грозовых, ледовитых просторах,
- В черной пасти дикого моря,
- Где пути навигаторов узки,
- Затонул сегодня „Челюскин“...

Голос Москвы

Из Москвы —

— Владивостоку.

Не ответ, не вопрос. Приказ.

Отпечатанный радиотокном,

Повторенный сотни раз

Из Москвы —

— На обрыв Чукотки!

Сквозь приемники и мембраны

Как всегда, боевой и четкий,

Голос Партии

Сквозь бураны

Долетел к одинокой антенне

Теплым вызовом, ободреньем:

— Сыновья большевистской страны,

— Будьте мужественны и сильны!..

Утро на Ванкареме

В сиротливую тундру, далеко

Белый сумрак плывет с востока.

Циферблат говорит: — двенадцать.

Не поймешь — не полночь, не полдень:

Снеговые холмы дымятся,

Тяжела погода сегодня...

Под сугробами глух и нем

Просыпается мыс Ванкарем.

Завывают, рычат собаки,
Поднимают олени драки,
И встревожены долгим шумом
В задымлённых мехах угрюмых
Вылезают в сугробы чукчи...
Из туманной, холодной тучи
Трескотня ремней и пряжек:
Шестьдесят собачьих упряжек
Полосуют равнину снега,
Задыхаясь сопят с разбега.
Каюры подхлестнули бичами,
Теплый пар повис за плечами.
Ездовые псы в азарте,
Подкатали широкие нарты.
Языки у собак дымятся...
На окраины выюжных бугров
Вышел старый полярник Петров —
Командир арктических станций.

.
Трудовые часы крылаты
И на севере, и на юге...
Терпеливо хрустят лопаты,
Снег струится навстречу выюге.
Весь поселок работой занят
От старейшины до подростка:
Глубока ветряная зãмьть,
Тяжела ледовая короста...

.
Прояснило в полярном мире,
Циферблат говорит: — четыре.
Не поймешь — не полночь, не полдень...

— Хороша погода сегодня, —
Отогревшись в разлоге костров,
Говорит товарищ Петров...

Над побережьем лысые тучи.
Отдыхают в сугробах чукчи.
А среди снегового разгрома —
Простыня аэродрома.

Лагерь на льдине

Первый вечер.
Огни фонарей. Снеголет.
Невеселое небо. Торосья. И ветер.
И горячая ярость авральных работ,
И случайная вспышка полярного света.
И потом переключка...
Голоса торопливо бросают ответ.
— Могилевич?.. — Молчанье...
Могилевича нет...

Мертвый сумрак
Ложится на крылья палаток,
Жесткий ветер грызет обмерзающий флаг,
И качаются льды от невидимых схваток:
Это гибель грозит лавиной атак.

Сутки тянутся
Пологом темных метелей.
Беспокойная стужа, ночные края.
На какой широте,

На какой параллели
Мы увидимся снова,
Дорогие друзья...

Наше сердце одно.
Наши руки не дрогнут.
Ледовитой пустыне
Людей не сломить.
Мы вчера погибали,
А утром сегодня
Голос наших вождей говорит:
— Ваша родина всюду с вами.
— Берегите советов знамя.
— Сыновья большевистской страны,
— Будьте мужественны, сильны!

П о л е т ы

Старый мир изучает твои биографии,
Молодая страна, поколенья героев,
Кочевые костры на краю географии,
Миллионы огней Днепростроя.

Наша дерзость и молодость —
Твердая сила.
У рулей самолетов
Родная рука.
В ледяных баррикадах
Страна проносила
Боевую уверенность большевика.
Сорок градусов вьюги
Гремели сурово,

Задыхался пропеллер
В движении резком.
Налетали туманы...
Но снова и снова
Первый сказочный рейс
Развернул Ляпидевский.
Обгорающей радугой
Спóлохи падали.
Льды гудели,
Как бешеный колокол...
Победитель пространства,
Над всеми преградами
Десять рейсов проходит Молоков.
Это — наши герои...
Не в гонке рекордов,
Не в погоне за призом
Рискуют собой.
Это — новые люди
Просто и гордо
Выполняют свой долг
 пред страной.

Мы пример этот славный
Поднимем как знамя,
Мы его пронесем по колхозным полям,
По заводам и шахтам.
За нами
И с нами
Будет радостна
Наша Большая Земля!

1934.

ФЛАГ НА ОСТРОВАХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Приветствуем ветер эпохи героев,
Дыханье морей у полярной границы
И те острова, что сегодня откроем
В сверкающих безднах студеной зарницы.
Зеленое пламя воздушных сияний,
Глухую руду берегов океана
Встречайте упорством великих исканий,
Настойчивей бейте в разгон урагана.
Сквозь тучи, по черным изгибам фиордов
Пришел ледокол на побережье пустое,
И берег встречает моржовую мордой,
Оскаленной в пенистом зеве прибоя.
Здесь горы угрюмы. Они затаили
Свинцовые руды и медные жилы,
Холодные сгустки серебряной пыли
Геологи в сумки свои положили.
Следы горностаев запутались в круге,
В сугробах бегут голубые лисицы
И взмахами крыльев, в первичном испуге,
Над взморьем свистят синегрудые птицы.
Осыпалось хрупкое эхо салюта.
Отмечена слава счастливого года.
Туманы уходят. Пробила минута,
И—флаг поднимается вместо восхода.
Флагшток, окруженный сияньем, теплеет,
Как будто на полюс нахлынуло лето,
И весело в розовом воздухе реет
Победное знамя эпохи советов.

АРКТИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

Если пропеллер захлебывается ветром,
Если ночь продолжается третьей сутки,
Если море бунтует в пятнадцати метрах,—
Отгони этот призрак усталости жуткой.

Отгони! Торопись. Цепенеют ладони.
Задыхается верное сердце мотора,
Словно ты убегаешь от дикой погони,
От суровых капканов тоски и простора.

Одиночество? Нет! Далеко, за морями,
За ночными пустынями дремлет столица.
Там луна незаметна между фонарями,
И друзьям твоим ночью сегодня не спится.

Знают сердцем они, что безмолвны утесы,
Где застыли часы в ледяном постоянстве,
Где пушистого инея тонкие осы
Закружились в туманном, бездонном
пространстве...

Обмерзающий, вьюжный он спускается утром.
Самолет принимает бессонная база.
У пилота лицо голубей перламутра,
И прозрачен зрачок утомленного глаза.

Он спокоен. Он держит на компасе нервы.
И в истории славных побед ледовитых
Величавое имя останется первым
Между громких рекордов и цифр знаменитых.

МОРЕ БАРЕНЦА

Да! Есть еще страны, пустые как бездны.
Милый мой друг, ты услышишь сегодня,
Что в море Баренца можно исчезнуть...
Об этом скрипит парходная сходя.

Машины давно уж готовы к отходу,
А путь неизвестен в туманах и льдинах.
Но страшный простор обещает свободу,
Суровую даже на кино-картинах.

На севере там, на глухой параллели,
Корабль будет плыть и сердца не застынут
Мы скоро увидим широкие мели,
Где наши потомки причалы закинут.

Когда-нибудь утром фонтанами пенными
Киты заиграют на скользкой поверхности,
Гарпунная пушка ударами верными
Глубокое эхо раскатит в окрестности.

Конечно, быть может, не будет возврата,
Легко заблудиться в коварных заторах,
Быть может Гольфштрем дуновеньем

крылатым
Навеки застынет в недвижных взорах.

Но мы не гадаем. Не время сомненьям.
Гудки затянули прощальную ноту.
Стальные винты в непрерывных биеньях
Зовут нас в поход,
В ледовую работу.

Встает океан вековыми валами,
Грохочут прибои в соленом дыханье,
Пустынные версты летят между нами.
Дай, я поцелую тебя на прощанье.

ПРОВОДЫ ДРУГА

По широкому Енисею
Осень гонит туманный след,
Заполярному Одиссею
Улыбается рассвет.

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов
Чахлой ивой да черноталом
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожаки.
От кочевий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой,
И разорваны наши руки:
— Досвиданья, товарищ мой!

Ты пройдешь, знаток пустыни,
В неизведанные края,
Под тобою протают льдины,
Но не дрогнет нога твоя,

Сероглазый и смугловатый,
Ты пойдешь за полярный круг
В самолетный набег крылатый
Победителем темных выюг.

И когда тебя скроют ветры,
Через чащи и облака,
Через тысячи километров
Дружба—ласковая рука.

Красноярск, 1935.

НА ФАКТОРИИ

Какая глушь... Вы слышите, наверно,
Прозрачный ветер дует с океана,
И свет луны, обманчиво неверной,
Замерз в снегу последнего бурана.

Мне не сидится дома в долгий вечер.
Я прочитал случайные газеты,
Но скучный день, усталостью отмечен,
Прошел холодным желтым полусветом.

Густеет ночь. Полярное сиянье
Закрыв сухой досадный снеголет.
Метель поет глухие заклинанья,
Собаки люто лают у ворот.

А за окном поселок невелик.
Я вижу дом широкий необычно,
Там визг собак, движение и крик
И эвенкийский выговор привычный.

В морозной мгле зафыркали олени.
Хрустят меха. Заиндевели шкуры.
Мои друзья из дальних поселений
Пришли сюда сквозь северные бури.

Поселок ожил в окликах и лае,
Стоянка будет шумною и долгой,
И в темноте приветливо сверкает
Большая вывеска:
„Фактория Госторга“.

1929.

УТРО В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний, радующий день...
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло теплые лучи.

— Здравствуй, друг мой,—солнцу я
ответчу...

И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим..

Там живет хорошая, такая—
Поневоле можно полюбить—

Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь—долго не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горностаю,
Коготь рыси, лебеда крыло,
Чтобы, в песне жизни вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

*Поселок Бурульзай
в Витимской тайге, 1936.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТУНДРУ

Я перешел на другой меридиан.
Ровная тундра расцветает кругом.
Летние воды несет океан,
Гонит волну золотым руном.

В проливе фонтанит бродяга кит,
Гагары купают желтых птенцов.
Чукотская кровь мне говорит—
Это страна твоих отцов.

С новой винтовкой иду на охоту,
В кочках прыгают рыжие лёмминги.
Солнце, подобное водовороту,
Кружится в небе над морем Беринга.

Вечером, возле костра в дремоте,
Чувствую: травы теплы и сладки.
Слышу: ветер ширококоротый
Мчится на южный берег Камчатки.

В ночь засыпаю, как спят соболя,
Чутко нахмуриваю крылья бровей.
Свободная тундра, родная земля,
Полночное солнце весенних дней.

Зимовье Утата, 1933.

РЕЗЬБА НА МАМОНТОВОМ БИВНЕ

1. Резьба на бивне

Клык, затронутый желтизной,
Древний мамонта клык,
На тебе узор вырезной
Необычно красив и дик.

Неизвестной, твердой рукой
Раскидан узор простой,
Рисунок простой, как жизнь,
Надо в песню его положить.

...Киты плывут в океан,
Моржи играют в камнях,
Собачий летит караван,
Эскимоска сидит в санях.

На байдаре охотник один
Затерялся в извилинах льдин.

Светит солнце — Теплый Отец, —
Душит мышь голубой песец...

Ближе, ближе идут года.
Подошел через кромку льда
Большой, большой пароход
И на флаге его — звезда.

Повернем на другой овал:
Вот летит длинокрылый гусь,
Вот медвежий злой оскал
И охотник — чукча Вирусь.

Вот сгибают китовый ус —
Байдара будет потом...
Смотрите: в гирлянде бус
Фактории новый дом.

...На кости полукруг луны:
Это резчику снились сны —
Волосатый, клыкастый зверь,
Не увидишь таких теперь.

А над зверем зарниц кольцо,
А в кольце летит гидроплан,
Запряженный большим песцом,
Пузатым, как барабан.

2. Эскимоска Люни

Замерзает Медвежий Мыс
И не видно полярных крыс.
Торопись, эскимоска Люни,
Не жалея собак, гони.

С утра свирепёл мороз
И было темно - темно.
Я подарок тебе принес,
Положил его под окно.

Это мамонта круглый клык,
Неизломанный и голубой.
Он широк и тяжел, и велик.
Я украсил его резьбой.

Знаешь, есть на мысу гора,
С той горы я упал в обрыв,
Оступился в туман вчера
Возле черной, пустой норы.

Но зато в глубине щелей,
Где старинный зеленый лед,
Много-много таких костей
Потерял чей-то жадный рот.

На фабрику надо их
До весны отвезти и сдать,
Чтоб в снегах и ветрах сырых
Эти бивни не потерять.

Торопись, эскимоска Люни,
Каждый день на мысу огни:
Ты приехать должна сюда
До наплыва большого льда.

Ждет охота и школа ждет.
Начинается вьюжный год.
Лежанки моржей хороши,
О запасах нам не тужить.

Много жира в кострах горит:
В сентябре нам попался кит —
Ус хороший, упругий в нем,
Им крепили мы новый дом.

3. Зима на Чукотке

В ноябре почернела вода.
Мы построили новый дом
Из пластов голубого льда
С полукруглым большим окном.

Затянули окно пузырем,
Пузырем океанских рыб.
Уловатым китовым ребром
Закрепили устои глыб.

В этом доме мерцанье зимы —
На весну повернуло ход.
Открываем сегодня мы
Заполярный учебный год.

Нынче будут сидеть с утра
В оживляющей теплоте,
Буквари нараспев повторять
Смуглолицые стаи детей.

А учить будет их Люни,
Эскимоска—жена моя.
Мы готовы в снегах зимы
Завоевывать злые моря.

Много шкур и мехов густых
В эту зиму фактории сдам,

За ошкуем в торосах крутых
Я пройду по его следам.

Чернобурую лисью канву,
Белопенных песцов поток
На собаках доставят в Москву,
Увезут во Владивосток.

4. Мертвый кит

Ветер падал четыре дня,
Четыре дня шумел.
Волну в реку загонял,
Размыл песчаную мель.

Когда, наконец, устал —
В Аляску ушел рычать,
Зеленый, хрустальный оскал
Океан перестал качать.

Пошел эскимос Томин,
Байдару свою понес,
Хотел эскимос Томин
Проплыть на Тюлений Нос.

Подходит Томин к воде,
Байдару готов спустить,
Глядит: в ледяной гряде
Качается мертвый кит.

Должно быть, принес прибой
Волной из далеких стран:
Упустил его китобой,
Подхватил старик-океан...

К полудню открылся пир,
Наезжал промысловый колхоз:
Горячий, белый жир —
Хорошая пища в мороз.

Поработав, можно поесть.
Разожгли жировые пласты,
Хорошо у костров присесть,
Затянуться дымком густым.

Все довольны и сыты все —
И собаки, и детвора.
И веселый гудеж висел
От полуночи до утра.

На рассвете пробили живот,
Доставали кишки и пузырь,
И, распялив широкий рот,
Вынимали его мозги.

Четырнадцать дней подряд
Становище жило здесь.
Блестели носы ребят.
Кит был распластан весь.

Собаки свезли домой
Сало и плавники,
Ребра и ус тугой,
И мелкие костяки.

Ус сдадут в Севморторг,
Ребра нужны себе,
Сало годится впрок,
В общественный наш обед.

Когда задувал норд-вест,
Пришел эскимос Томин,
 Поглядел-поглядел окрест,
 И байдару понес чинить.
А в разбитых, скользких камнях,
Где качается темнота,
 Сиротливо белел в волнах
 Пустой позвоночник кита.

Зимовье Чилир, 1932.

СТАРЫЕ КОЛЫМСКИЕ ПЕСНИ

I. Разлучная

Не белы́ сне́ги ветер вымел:
Голубы сне́ги на Колыме;
Не протаять им, не растаять,
Снегопа́дь вихрит густая —
 Не растаять.

Снегопа́дь вихрит густая,
Лед на взморье нарастает,
Лихоманят, ураганят
Тучи с моря-окияна,
 Ураганят.

Тучи с моря-окияна
Поднимались раным-рано.
В нареченную хорому
Не дождать меня милóму.
Не дождать меня милóму,
Рыбаку понизовому...

2. Попутная

Не заходит солнце по-заморюшку,
Не заходит не к полуночи, не к полудню.
Серы-гуси гонят ладную погодушку,
Быть погоде нонче в понизовье—
 Не теплу,
 Не сыромяти
 И не холодно.

Быть попутну ветру от большой горы,
Погонять лодейны-парусы в Колымгород.
Задувайте напролом-впрямик ветры:
Мореходка,
Моя лодка—
Милый шкипером.

Сиговьё везет рыбак да белорыбицу,
Омульё везет протоками.
Колыма-река—кормилица.
Гулевая да глубокая Колыма...

3. Плясовая

(Нижнеколымка)

Вечор выйду на-берег,
Лед ломится за-берег.
Солнце к ночи не зайдётъ,
На Колыме ледоходъ.

С ветра, с поворота-ли
Протаяли протали,
Талые проталины
Сели на завалины.

Гуторят в полнебе птицы,
В четверть неба пух дымится,
А в последней четвертине
Быть удачливой путине.

Наши лодки моются,
Паруса готовятся,
Весла охрой крашены,
Сети принаряжены.

Рыбаченька,
Молодёнъка,
попляши.

Молодому,
Удалому

помаше,

Помаше платочком алым,
Чтобы парни не отстали.

Сапожком притопни новым,
Каблучком подкованным.

Рыбак
Молодой—

становись!

В кушак
Голубой—

затянись!

В лад баяны запевают,
Плясуны не отдыхают,
Грянула нижнеколымка:

— Прощай, зима,
— Прощай, зимка,

По белому зимнику—серёбряной лис.
По рыжему дымнику—красной лис.
По синей метели—лис голубой.
По моей постелюшке—чернобурой...

Седые хвосты
На бубен вяжу.
Цветными мехами
Себя обряжу.

За тундрой пробрезжило
В первый свет,
Ударила в бубен—
Вьюги нет.

Серёбряна шкурка—от батюшки весть.
Краснобока шкурка—от матушки честь.
Голубая шкурка—от братушки лесть.
Чернобура вороненая—
Подарочек наречённова...

Ударила в бубен—
Ночи нет.
За морем просветило
В третий свет.
Кольцы пробряцали —
Тетивой...

Остывает бубен—
Голос мой...

6. Беглая жена

На забрёгах Индигирки-реки
Болоты (да) лайды темны, глубоки,

Темны, глубоки (да) моховищами,
Ягелями, брусняками, луговищами.

Богаты олени
На тундре живут,
Рогаты олени
Ягельник жуют...

Заарканю двух ватажных быков,
Догонять поеду наших рыбаков.
Заарканю двух лобастых оленух,
Догонять поеду беглую жену.

Не хотела с пастухами
В тундре жить,
Захотела с рыбаками
Потужить...

Как увидит, что приехал я на устье—
Будет знать, что муж беглянку не отпустит..
Как увидит, что любовь моя со мной—
Приласкает и воротится домой.

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ СИБИРСКОЙ...

... Идите к нам! Оружие не бросайте, не-
сите с собой! Обратим штыки на врагов рево-
люционного народа...

(Из большевистской прокламации 1919 г.).

... 3 декабря фельдфебель десять пулемет-
чиков 55 Сибирского полка одним пулеметом
7000 патронов перешли к красным...

Начконтравпункта поручик Лысков.
9. XII. 1919. Канск № 1329.

... 4 декабря 13 рота 56 Сибполка перешла
сторону красных...

Начконтравпункта поручик Лысков.

9. XII. 1919. Канск № 1330.

*(Из материалов колчаковской контр-
разведки. Архив Октябрьской революции.
Ф. XXIX, ВД-1-30 л. л. 13-15).*

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ СИБИРСКОЙ

(Сибирские были)

Колчак мобилизует..

1

Настежь распахнулись в казарме ворота,
Гонит новобранцев конвойная рота,
Гонит Колчаку пушечное мясо.
Командир-офицер рявкает басом,
Горячит коня над людской оравой:
— Левой, правой..
— Левой, правой..

Ветерок гудит. Слякоть и стужа.
Расползлись ряды, хлюпают в лужах.
Посредине двора сгрудились стадом,
К сырой земле насупились взглядом.
У них у всех головы никнут,
Стоят и молчат, стоят и не пикнут.

Прощай семья, жена-молодайка.
Заставит служить пуля-нагайка.

Метлой метет деревни и села,
Шумит Сибирь молвой невеселой:
Что ни день—набор, берет не считает,
Адмиралу Колчаку солдат нехватает.

И куда берут?

И куда ведут?

Унтера палачи,
Хоть криком кричи...

.

Взглянув на штыки,
Хмурые парни,
Подтянув ремешки,
Заходят в казармы.

Тоска в глазах,
Темные лица.
Убежать нельзя,
А надо бы скрыться.

Наморщил лоб
Высокий детина:
— Попался в гроб,
— Голова-осина.
— Говорили дураку:
— Беги по Сибири,
— Чем служить Колчаку,
— Лучше в дезертиры.

Не послушал, вот
Мобилизовали,
Подтянули живот,
В зубы насовали.

Наморщил лоб
Высокий детина:
— Не готов наш гроб,
— Не смерть, кручина.
— Держись на-чеку,
— Поживем, увидим,
— Царьку-Колчаку
— Вспомним обиды...

2

Поручик-колчаковец играет пером,
Лощеную голову нагнул над столом,
В зубах сигаретка японская тлеет:
— А ну, по одному подходи смелее...

Топчется на месте людская лавина.
С правого фланга подходит детина
В заячьей шапке, в дырявых опорках,
Старая шинелка в заплатках и сборках.

Ростом—сажень, хоть дорогу мерь.
Встал, как столб, а глядит, как зверь.

— С такими новобранцами Москву
заберем...

Поручик-колчаковец играет пером.

— Имя и фамилия?

— Петр Стрижков.

— Возраст?

— По паспорту двадцать лет.

— Рост?

— Три аршина без двух вершков.

— Особые приметы?

— Нет.

— Нет и не надо, пойдешь в работу.

— Унтер, отведи в пулеметную роту,

— Там лошадей нехватает в поход,

— Парень пригодится таскать пулемет...

Идут эшелоны...

1

Ухает, свистит, спешит паровоз,
Версты вырываются из-под колес,
Люто громяхают, дрожат мосты,
На станции Иркутск стоят посты.

Стоят посты, охраняют путь...

— Дайте-ка, ребята, и мне взглянуть...

Высунул голову Петр Стрижков:

Глазом не окинуть чужих штыков,

Золотом на солнце горит эполет.

— Ребята, да что это, кого тут нет?

Чехи и словаки,

Французы и поляки,

Румыны, итальянцы...

Дивятся новобранцы:

— Гляди-ка ты, ребята, ехидна-жизнь,

— Европа и Америка в Сибири сошлись.

— Видно коммунисты весь мир задели?

— Что же это будет на самом деле?

Щурятся на солнце
Щуплые японцы,
Искрятся до глянца
Бритые британцы.

Сабли, винтовки,
Нашивки, шевроны...
На изготовке
Стоят эшелоны.
Глухие, броневые,
Высокие и длинные,
Гремучие, стальные
Платформы орудийные.

(Ревучим переливом
Свистят локомотивы).

Кружится в глазах
Иркутский вокзал.
Спросить бы кого,
Да спросить нельзя.

— Эх, и тяжела ты, солдатская доля,
— Продали Россию, родную, что ли?..

Пальцы в кулаки сжимаются сами.
Плещет над вокзалом трехцветное знамя,
Ульем потревоженным шумит перрон,
Куда ни взглянешь—блестит погон.

Господа офицеры суетятся, бегут,
Шпорами позвякивают, честь отдают...
Дивятся новобранцы:
Сколько иностранцев,

Сколько собралось чужеземных штыков.
Голову повесил Петр Стрижков,

- Сжал кулаки так, что хрустнули кости:
— Вишь они, хозяева—незванные гости,
— Жируют, паразиты, в чужой стране,
— А мы, мужики, погибай на войне.
— А за что погибать?
— За кого воевать?

Кружится в глазах
Иркутский вокзал.
Спросить бы кого,
Да спросить нельзя.

Думай как хочешь,
Учись, понимай,
На ус наматывай,
Гляди не зевай.

Слава колчаковская понятна: тут
Русских

иностранцы на Россию ведут!

Сибирский фронт

1

В соснах перепутались узоры троп,
Налево — болото,
Направо — окоп,
К югу — перелесок, а в нем дозоры,
Цепи охранения да волчьи норы.

Ветер ледяной над землей несется.
Ниточка окопов в болоте рвется,
Холодно, замызгано, загажено кругом.
Издали гудит орудийный гром,
Темный, невеселый навис горизонт.
Вот он каков — Сибирский фронт.

Первая линия. Окоп номер шесть.
Тесно и низко. Ни встать, ни сесть.
Чвкает грязь на солдатских ногах.
Тявкают винтовки бах-бах-бах...
Рвутся шрапнели, как темные звезды.
Красные громят пулеметные гнезда..
Старший наводчик к затвору льнет,
Ленту ковыряет и жизнь клянет:
— Ваше благородье, такое дело,
— Никак не направлю, опять заело.

Ротный

Пулеметный,

В сапогах болотных

Выгнулся дугой, задрожал, покраснел,

Поднял стэк и поправил пенсне.

Старшего наводчика хлестнул с размаху,

Сшиб с него лохматую шапку-папаху:

— Сукины вы дети, стрелять не хотите?

— Сказано, затвор как глаза берегите!

— В гости что ли ждете друзей-

большевиков?

— Где этот верзила, как его?.. Стрижков!

— Бери пулемет и тащи в блиндаж,

— Прапорщику срочно в ремонт отдашь...

Сумрачный полдень. Дымится кухня,
 Кашу раздаёт кашевар рябой,
 Сбоку трехдюймовка то свистнет, то ухнет,
 Где-то на флангах начинается бой.

Гулко тарахтит пулемет у болота,
 Кое-где винтовки лениво строчат,
 В очередь обедает тринадцатая рота.
 Красные окопы сурово молчат.

Петр Стрижков опрокинул манерку,
 Вытер ложку, сунул в сапог,
 Плотно затянул под ремён шинелку,
 Протяжно позевал и взглянул в щиток.

Бурые кочки в колючем узоре,
 Лысые кусты, переплеты троп,
 Чахлые лиственницы на косогоре
 И прямо, напротив, красный окоп.

Пятьсот шагов — как пятьсот верст...
 Может быть гранатой хлестнуть готовы?
 Может на прицеле держат пост?
 Взглянуть бы поближе,
 Спросить бы, кто вы?..

Толкуют офицеры, что красные — звери,
 Режут пленных, деревни жгут.
 Слушаешь, не знаешь, как и верить.
 Конечно, офицеры солдатам врут.

А если нет? Куда податься?
 Назад итти — попадешь в расстрел.

Боязно, однако, и в плен сдаваться...
Долго Стрижков сквозь щиток смотрел.

Выставил голову над самым окопом:
— Пуля так пуля, судьба моя...
Глядь, и красные высунулись скопом,
Смотрят на Стрижкова, смеются, шумят.

Вот бородатый какой-то машет.
Ветер доносит: — Идите к нам!
— Крестьяне и рабочие, братья наши...
— Кончай, товарищ, служить господам!

Рванулся Стрижков, замахал папашой...
Вдруг кто-то больно дернул плечо.
Скатился за бруствер. Глядит — Елпахин,
Земляк, пулеметчик.

— Ты, паря, чо?

— Сдурел или нет? Офицеры бродят.
— Стащат в контрразведку того и гляди.
— Знаешь, каковы эти, их благородья...
— Сейчас не время еще, погоди.
— У многих у нас такая дума.
— Понял? Ну, то-то. Теперь шагай...
— Да только смотри, Петруха, без шума,
— Рот не особенно раскрывай...

3

Ночь над тайгой, как шкура медвежья.
Поздняя осень. Ледок. Бесснежье.

Голые деревья. Земля мертва.
Инеем давно сожжена трава.

Первая линия. Трещит перестрелка.
Взвизгивают пули. Стучит скорострелка,
Снаряды вырываются снопами света,
В небе над тайгой дрожит ракета.

Падают, колышутся блескучие звезды,
Дула пулеметов затаились в гнездах.
Ждут наступления. По слухам — скоро...
Красные заняли соседний город.

Катится фронт на восток, к Енисею.
Катится фронт и тревогу сеет.

Сегодня приказано — заслоном встать,
Армию Советов задержать и смять.
Рычат скорострелки, снаряды бьют.
Деревья взлетают то там, то тут.
В щелы крушит вековые сосны,
С корнем вырывает кедроч малорослый.

Фронт задыхается, воеет, стреляет.
Красная Армия опять наступает.

4

Петр Стрижков поставил пулемет,
Только закурил — командир идет:
— Бросай курить, отступаем дальше,
— Бери пулемет и... походным маршем...

Топают вразброд отупелая пехота,
Первая, восьмая, двенадцатая рота,

А вот и пулеметчики. Прибавил шаг,
Ноги ободрал, налетел на корягу.

Поставил пулемет, свернул цыгарку.
Опять командир за спиною гаркнул:
— Что ты отстаешь, вставай, обормот,
— Бросай курить, тащи пулемет...

Ночь на исходе. Бледнеют дали,
Люди измотались, едва дошагали.
Новые позиции у самой реки.
— Авось, не догонят большевики...

Костры запылали, забулькал чай.
Чу! Скорострелки опять рычат,
Хлопнули винтовки каленой стужей,
Красный самолет высоко кружит.

— Вот тебе и отдых,
— Вот тебе и чай,
— Начнет бомбить — только смерть встречай!
Петр Стрижков залез под кустик,
Бомбы ждет: — Сейчас „он“ спустит...

Низко-низко гудят моторы.
Люди забиваются в кусты и в норы,
Мерзлая земляца смертью пахнет,
Ждут солдаты: — Сейчас „он“ ахнет...

Красный летчик землю бреет,
Соколом бесстрашно над фронтом реет.
Ниже и ниже.
Не слышно мотора...

И вдруг развернулся,
Рванул с упора,
Взмыл высоко в проясневшее небо...

Рядом со Стрижковым забасил фельдфебель:

— Вставайте, ребята, спасибо красным.

— Перепугались-то мы напрасно...

— Крикнуть ему бы?

— Куда там, поздно!

В небе далекий летел краснозвездный,

А по земле, на кусты, на винтовки

Падали белые птицы-листочки.

Жадной рукою схватил Стрижков

Пару крутящихся в вихре листков,

Вскользь пробежал помутившимся взглядом:

— Братья, солдаты, крови не надо!

— Братья, солдаты, идите к нам!

— Верьте, товарищи, большевикам!

„Шарабан“

1

Карта штабная — десять верст.

Приказ комфронта отменно прост,

Лучшие части собраны в кулак,

Дело решается, примерно, так:

Отборная пехота и казачьи дивизии

Двинутся клином в шесть утра,

Когда же резервы на линиях сблизятся,

Бой на флангах начнут юнкера.

Первый удар — артиллерийская лава
(Снаряды японцами доставлены в срок!),
Обстрел по фронту слева и справа:
Красных зажать в огневой мешок.

В центре наступления поставить пулеметы
(Легких — четыреста, тяжелых — до двухсот).
В итоге операции — занять высоты.
Пленных не брать. Отступающих — в расход.

2

— Что ж, господа, приказ не плох.
— В четыре выступим... Дай-то бог...
Начальник участка номер шесть
Поднял бокал: — За вашу честь!..

Чокнулись, выпили,
Выпили, крикнули,
Чьи-то шпоры под креслом брякнули:
— На нашем участке положение ясно,
— С помощью Каппеля задержим красных...
— А как пулеметчики?
— В лучшем виде!
— Есть ненадежные?
— Таких не видел,
— У меня исключительно одни сибиряки:
— Рослые, спокойные и... все дураки.
— Один, например, из таких мужиков,
— Не помню фамилию, кажется Стрижков,
— Представьте, господа, великан-детина,

— Ростом — сажень, умом — дубина,
— Сила — медвежья: деревья рвет.
— Таскает на руках станковый пулемет,
— Заменяет лошадь...

— Не может быть!
— Могу показать!..

— Ну, давайте пить,
— Потом посмотрим...

— Господа офицеры,
— За Сибирь!
— За родину!
— За веру!..

„Ах, шарабан мой

Святой Георгий

— американка,

и шарлатанка!

С трехцветным флагом,
Победным шагом
Пойдем мы в ногу,
Вперед! Дорогу!

Ах, шарабан мой

— таратайка,

Что будет завтра

— Ах, угадай-ка!“

.....
Господа офицеры пируют, поют,
Сибирское пиво с шампанским пьют,
С грохотом на пол летит стакан.
Песня сегодня одна: „Шарабан“.

Час пополуночи. Костры не дымят.
 Рыхлый снежок сапогами примят.
 Дремлет на линии усталая пехота,
 Дремлет в окопе пулеметная рота.

Тучи разбухают. Меркнет луна.
 Вьюжная, белесая летит пелена.
 Тихо на фронте.
 Тихо в тылу.
 Смотрят часовые в таежную мглу.
 Смотрят часовые,
 Чего-то ждут.
 Команды не слышно,
 А люди встают...

Вот лошадей привели коноводы,
 Строятся в шеренги пехотные взводы,
 Винтовки в порядке, штыки блестят,
 Шинели подтянуты, как на парад.

Кто-то закричал и затих, подавился.
 Дежурный офицер под штыком свалился.
 Кого-то скрутили. Опять тишина.
 Час пополуночи. Меркнет луна.

Пухом гусиным скользит снеголет.
 Сумрак командует:

— Взять пулемет!

— Ну-ка, Стрижков, торопись, помоги,

— К штабу шагай, да затвор береги...

Господа офицеры поют „Шарабан“.
 Час пополуночи. Пьяным-пьяно.
 Командир бригады поднял стакан,
 Плещет на скатерть шипучее вино:

- Господа офицеры,
- За Русь, за веру,
- За наших союзников! (Ура! Ура!)
- Сегодня раздавим красную химеру,
- Завтра на Москву!.. (Ура! Ура!)
- Господа, за победу!..

А где денщики?

- Пьянствуют где-нибудь.

—Надо проверить...

- Дверь распахнулась. За дверью — штыки:
 — Смирно стоять, господа офицеры!..

Пулеметчик Елпахин вышел вперед.
 С дребезгом хрустнула стеклами рама:
 На подоконнике встал пулемет,
 Рыло стальное нацелил упрямо.

- Смирно стоять, господа офицеры!
- С места не двигаться... Руки вверх!
- Не шевелиться! Гляди, кавалеры,
- За одного — упокою всех!

- Стрижков, покажи им себя!..

Из окошка

Грохнула очередь, гром — в потолок.

Господа офицеры присели нёмножко,
Начальник бригады дуло в висок:
Хлоп! Повалился лицом на бутылки.
Жалобно звякнул разбитый стакан,
Офицера повернули затылки.
Вот он, выходит, каков „Шарабан“.

Приметы пулеметчика Стрижкова

1

Ветер предрассветный поземку гонит,
Лиственницу тонкую к сугробу клонит.
Мелкий перелесок. Торчат кусты.
Белые окопы давно пусты.

Ушли артиллеристы—
Проворные люди,
С собою унесли
Замки от орудий.

Ушли пехотинцы
Колонной, повзводно,
С красными флагами,
Маршем свободным.

Ушли пулеметчики
Целыми ротами,
Целыми ротами
Вместе с пулеметами..

С собой офицеров своих ведут,
Солдатскую песню поют на ходу:

„... Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Колчак зашился...“

Слышно, командует Петр Стрижков:
— Шагай, офицер, не жалея сапожков,
— Что ты спотыкаешься, иди веселей:
— Красные сегодня ждут гостей...

2

Алые знамена. Портрет Ильича.
Столик походный. Горит свеча.
В штабе авангарда
Армии Советов
Утро начинается
Еще до рассвета.
Писарь кудреватый сидит за столом,
Слушает, как речь закурил политком:
— Крепко толкует товарищ Градов,
— Речь для перебежчиков вышла что надо...
Слушают солдаты простые слова,
Слушают и кружится у них голова,
Впервые митингует
Пулеметная часть.
— Да здравствует родная, советская власть!

— Да здравствует партия рабочих и крестьян!
— Сбросим интервентов штыками в океан!..

Кончил политком,
Утирается платком.

Глаза у пулеметчиков огнем горят.

Петр Стрижков выдвигается рывком:

— Товарищ комиссар, принимай в отряд.

— Искупи невольную свою вину,

— Возьми нас, комиссар, с собою в бой.

— Кровью врагов я тебя помяну,

— Веди нас, большевик,

— Пойдем за тобой!..

Взглянул политком:

(Парень с огоньком...)

— Ну, что же, отберем боевых ребят,

— Пойдете в подкрепление с моим полком.

— Составим список. Начнем с тебя...

— Имя и фамилия?

— Петр Стрижков.

— Возраст?

— Исполнилось двадцать лет.

— Рост?

— Три аршина без двух вершков.

— Особых примет

— Нет?

— Стой, товарищ, не так спеши,

— Особые приметы есть. Пиши!

— Пришел добровольно, принес пулемет,

— Семь тысяч патронов—пиши на приход.

— Привел офицера, начальника роты,

— Штаб разгромил, помогая пехоте.

- Планы, приказы прошу принять.
- Может быть, что пригодится узнать.
- С белым начальством имею расчеты...
- Вот вам приметы мои для учета:
- Был вместо лошади, стал человек.
- Это запомни, товарищ, навек,
- Примету пиши:
- Петр Стрижков
- За большевиков!

УСОЛЬСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Красноармейская бивальщина

1

Федор Махов—парень бравый
 И боец передовой.
 Всем известен он, чернявый,
 Наш товарищ боевой.
 Голосистый запевало,
 Первый песенник, плясун,
 Он под пулями, бывало,
 Пел про девичью красу.
 Пел про Волгу, про Саратов
 (Сам он раньше грузчик был),
 Называл себя солдатом,
 По-солдатски водку пил.
 Словом, был боец веселый.
 Весь сибирский переход
 Шел он поступью тяжелой,
 Замыкая первый взвод.

Две бутылочных гранаты,
Штык сверкает на-весу,
Сапожки дыроваты,
Сорок градусов в лесу,

А ему и горя мало:
Песни петь готов всегда.
И на шлеме полинялом
Кумачевая звезда.

Он, чудак, носил с собою
Кумачевый лоскуток
И всегда, готовясь к бою,
Забивался в уголок.

Шлем осмотрит первым делом,
Не слиняла ли звезда?
Если чуть-чуть потемнела,
Надо новую тогда.

Точно выкроит, с любовью
Аккуратно подошьет.
Словно огненную кровью
Старый шлем его зальет.

— Пусть звезда сияет вечно
— Молода и горяча!..
Толковал он нам, беспечно
Штык качая на плечах.

2

Федор Махов—парень бравый
И боец передовой,

Но в его хорошей славе
Был изъянец небольшой:

Верил в бога наш затейник.
И досадно было нам,
Волжский грузчик, как кутейник,
Чинно крестится церквам.

Правда, крестится украдкой,
Да не скроешь—видим все...
— С этой старою повадкой
— Кончить надобно совсем.

Так бойцы решили тайно.
Споры шли: с чего начать,
Чтобы Махова, случайно,
Не обидеть сгоряча.

Парень свой, товарищ верный,
Надо путь найти к нему—
Сам чтоб понял: дело скверно..
Тут ведь сила ни к чему.

Ну, гадали мы, гадали
Как и что, и что и как.
С политкомом толковали,
Тот смеется:—бог—пустяк.

- Бога нет. А небылицу
- Мы сумеем победить.
- Завтра бой... Возьмем станицу,
- Я зайду поговорить...

- Жизнь покажет нам, как надо
- И бороться, и учить.

— Слово может быть снарядом,
— Но сегодня помолчим...

Мы немного заскучали:

— Ни к чему совет такой.

Спать легли, заночевали,

А на утро грянул бой.

И в бою случилось просто,

Неожиданно для нас...

Дело вышло за погостом,

Возле церкви „Новый спас“.

Там,—мы вспомнили невольню,

Политком не зря сказал,—

На усольской колокольне

Махов „бога“ потерял...

3

Бились мы в селе Усолье.

Там семеновский отряд

Забайкальское приволье

Грабил двадцать дней подряд.

Отступающие гады

Испоганили село.

Переломаны ограды,

Избы снегом замело.

Трупы мерзлые, глухие

На столбах, на воротáх;

Руки тянет к нам сухие

Горевая беднота.

Страх и смерть в селе Усолье,
Мертвецы в сугробах спят.
Гулеванит на приволье
Атамановский отряд.

Нас не ждали. Мы ударом
Сразу выбили врага.
Облака зажглись пожаром,
Гулко охнула тайга.

После жаркой перестрелки
Враг бежал со всех концов.
Только вот задача: церковь
Огрызнулась на бойцов.

Чей-то злобный с колокольни
Поливает пулемет,
По сугробам хлещет больно,
Огневую лаву льет.

Кто-то метко и умело
Путь пехоте пересек,
Целит яростно и смело,
Бьет и вдоль, и поперек.

Залегли, прижались цепи
На протаявшем снегу.
Пулемет стучит, свирепит,
А враги бегут в тайгу...

По команде первый взвод
Поднимается в обход...

Кое-как до колокольни
 Добежали два стрелка,
 Махов шепчет недовольно:
 — Бьет подлец наверняка.

— Шесть убитых там осталось,
 — Десять ранены лежат...
 Отдохнул под дверью малость,
 А в дверях замки дрожат.

— Ах, закрылись гады, ладно!
 — Крою вашего христа,
 — Будет впредь вам неповадно...
 Бомбу поднял и привстал.

Дверь на щепки разлетелась.
 Махов лестницей—наверх:
 — Душу выпущу из тела,
 — Упокою сразу всех!..

Разъяренный, по ступенькам
 Мигом кверху добежал.
 Пулемет еще протренил,
 Раза два продребезжал

И затих. А на площадке
 Встретил, целясь прямо в лоб,
 В шубе, в плисовой борчатке
 Волосатый дюжий поп.

Хлопнул выстрел. Махов—книзу,
 Повалился. Поп—прыжком

Подбегает по карнизу
И внезапно... кувырком.
Федор Махов дал подножку
И попа перехитрил.
Правда, ранен он немножко,
Но еще хватило сил.
Вышиб маузер. В охапку
Захватил попа, скрутил,
Сбил с него соболью шапку,
Взворотил поверх перил.
Сбросил вниз живую тушу
С колокольни, словно тюк,
Обругался крепко „в душу.“
И потом взглянул вокруг:
— Громче праздничных канонов
— Колоколенка поёт...
Восемь ящиков патронов
И японский пулемет...

5

Как-то после, на привале,
Возле нашего котла
Про Усолье толковали,
Про минувшие дела.
И один боец ехидный
Феде Махову сказал:
— Что-то церкви здесь не видно,
— Ты, случайно, не видал?..

Федор Махов — парень честный,
Не смущаясь отвечал:
— Был я темный, вам известный,
— Ошибался невзначай.
— Ну, да нынче я довольный,
— Кровь недаром проливал,
— На усольской колокольне
— Веру в бога потерял...
— Вот моя любовь и вера,
— Навсегда они со мной...
Шлем, истрепанный и серый,
Поднял Махов над собой.
И на шлеме том горела,
Нашей славою горда,
Вновь пришитая умело
Кумачевая звезда.

МАРУСЯ ИРКУТЯНКА

Партизанский сказ

Объявилась в отряде девчина.
Из Иркутска пробились тайком:
На плечах полушубок-овчина,
Вся в снегу, а глаза с огоньком.
Принесла командиру записку.
Командир прочитал у костра:
— Принимай, — говорит, — коммунистку,
— Это будет нам друг и сестра...

Оглядели ее партизаны,
Лет семнадцать ей было на вид.
— Не поднимет, пожалуй, берданы..
Баргузинец один говорит.

Ухмыльнулись ребята приветно:
— Ничего, обойдется в гостях,
— Подрастет под огнем незаметно,
— Только вот жидковата в костях.
— Тяжеленько придется, девчина.
— Будет лихо в кровавом хмелю,
— Не заела чтоб, значит, кручина..
— Ничего, — отвечает, — стерплю..

Как сказала, так вышло на деле.
Молодою отвагой полна,
Стариков, что в боях поседели,
Удивляла немало она.

Будто смерти себя обрекая,
Шла в атаку, как в буйный поток.
И откуда в ней сила такая,
Партизанской душе невдомек..

Рассказал нам боец Старокутский,
Что грустила Маруся молчком,
Что отец ее, слесарь иркутский,
Был расстрелян в тюрьме Колчаком.

Сиротою Маруся осталась:
Ни отца, ни друзей, ни родных.
И на сердце тяжелая ярость —
Отомстить за людей дорогих..

Чтобы меньше она тосковала,
Чтоб забылась на деле другом,
К партизанским отрядам Байкала
Дал путевку подпольный ревком.

Полюбили ее партизаны.
Даже повар—отрядный ворчун,
Сшил унты ей из шкуры гураны
И берданку достал по плечу.

Всем пришлось по душе партизанка.
Берегли, как могли, ее все.
Мы прозвали ее Иркутянка,
А фамилии не знали совсем.

Лаской дружеской девичье слово
Ободряло усталых бойцов...
Вместе с нею в долине Сосновой
Бились мы у байкальских гольцов.

И японцы и белые вместе
Наседали тогда на отряд.
Но бойцы отбивались по чести,
Не сдавались ни шагу назад.

Громыкали байкальские дали,
Эхо падало с каменных стен.
Мы разбили врагов, отогнали,
Захватили полковника в плен.

Только радость победы темнела,
Всюду павшие были кругом.
И нашли мы марусино тело
Под широким, кедровым шатром.

Просверлила ей пуля навывлет
Непокорный девический лоб,
Беспокойное сердце остыло
И берданка воткнулась в сугроб...
Позабылись горячие раны,
Захрустели в костях кулаки,
Сняли шапки бойцы-партизаны
И заплакали вдруг старики.
И заплакали вдруг молодые...
Но об этом нельзя рассказать.
Тяжелы эти слезы скупые
На суровых, усталых глазах.
Схоронили Марусю под кедром.
Долго рыли могилу клинки.
Глубоки леденелые недра
И сугробы снегов глубоки.
Вбили столб со звездой пятиглавой,
Жестяная дрожала звезда.
Спит Маруся с любовью и славой—
Не забудут ее никогда...
Под звездой привязали бердану—
Боевое оружие ее.
Будет день, наши мертвые встанут
К новым битвам за дело свое.
Спит спокойно сестра-партизанка,
И народная песня хранит
Память той, что звалась Иркутянка...
Лет семнадцать ей было на вид.

Иркутск—Усолье, 1937—1938.

ВОЕНМОР В СИБИРИ

Сказ

Приехал он из Балтики,
Столичный кавалер,
На бескозырке кантики
И сбоку — револьвèр.

Сверкает куртка черная,
Трубою брюки клèш.
И с ним пришла проворная
Присловица: „даешь!“

Приехал с продотрядом он
За хлебом в Барнаул;
Нежданно и негаданно
В село к нам завернул.

На сходку, по обычаю,
Явились мужики,
Заметил по обличью их:
Кто голь, кто кулаки.

Шушукнулся с ревкомцами,
Собрание открыл:
— Ну, будемте знакомцами...
И трубку закурил.

Попыхивает трубочкой
И речь свою ведет.
Девчата в новых юбочках
Протиснулись вперед.

Хорош, красив, глазастенький
Столичный кавалер

(Винтовочка зубастая
И сбоку — револьвèр).

Мы смотрим, улыбаемся,
А он и не глядит.
Ручищами махается
И грустно говорит,

Что там, мол, бьют рабочие
Буржуев разных стран,
Что в Питере рабочие
Ждут помощи крестьян,

Что хлеба надо нынче им
Отправить в Петроград,
Излишки надо вычерпать
И сдать их в продотряд.

Тут кулачье кидается
Без шапок по домам,
А он лишь улыбается:
— Известно это нам...

— Так вот давайте, граждане,
— Без этих кержаков,
— Спрошу у всех, у каждого,
— Кто сколько даст мешков?

Ну, беднота понятливей:
— Записывай, — кричат.
И тятка мой догадливый
Рванулся сгоряча:

— Мешка четыре, — говорит, —
— А больше не могу.

— Мешка четыре, друг, бери
— Грузить я помогу.

Я прямо даже охнула
(У нас всего-то шесть).

А морячок нахохлился
И отвечает: — есть!

— Спасибо, — говорит, — друзья,
— Не разорь себя.
— Мы, — говорит, — одна семья,
— Поделится любя...

— Бери! — кричат то тут, то там, —
— Народ помочь готов!..

И подписала беднота
Две тысячи пудов.

Моряк поднялся, шапку снял
И ленточки взвились.

— Товарищи, — тепло сказал, —
— Мы перестроим жизнь.

— Сибирякам привет свой шлет
— Советский Петроград
— И Красный фронт, и Красный флот,
— И также мой отряд.

Тут бескозыркой он махнул,
Винтовку снял с плеча,
К столу отбросил шаткий стул,
Прикладом застучал:

— Теперь даёшь — на кулаков,
— Как указал Совдеп,

— Из всех амбаров и мешков
— Возьмем кулацкий хлеб...

И в тот же вечер, дотемна
(Глядели мы тишком)
Свезли кулацкого зерна
Три тысячи мешков...

Потом, поставив караул,
Моряк явился к нам,
Кисет с махоркой развернул
И сразу к старикам:

— Позвольте переночевать,
— Знакомы будем впредь.
Уселся с нами чаевать,
Стаканами греметь.

Хорош, красив, проворен он
Столичный кавалер
(Сверкает куртка черная
И сбоку—револьвèр).

Умен, речист и ласков он,
Приятно посмотреть,
А я гляжу с опаскою,
Боюсь стыдом сгореть.

Простая девка, темная,
Не вымолвлю ответ.
И... думка неуёмная,
Что платья даже нет.

Дерюжка домотканная,
Невзрачен мой наряд,

Сижу я неприбрáная,
А тятка гостю рад.

И морячок, глядя в окно,
Такую речь ведет,
Что продотряд у нас зерно
Задаром не берет.

Что есть товар для бедноты
(Но не для кулаков):

— Не пожалел, — толкует, — ты
— Дать четырех мешков.

— А я ведь знаю, что у вас
— Себе зерна в обрез...

— Гвоздей дадим, железный таз
— И ситчику отрез...

— Сейчас республика бедна,
— Но бедность — не порок,
— Придут другие времена,
— Теперь недолгий срок....

— А ситец, — хвалит, — лучший сорт,
— Даем лишь для друзей,
— Как раз на платье подойдет
— Для дочери твоей.

Меня с улыбкой оглянул,
За чай благодарил.
Потом собрался в караул
И трубку закурил.

Недолго он гостил у нас,
Всего четыре дня.

Но не забыть мне серых глаз
И в голосе огня.

Хорош, красив, проворен он
Столичный кавалер
(Сверкает куртка черная
И сбоку—револьвèр).

Теперь пришла большая жизнь,
Счастливые века,
И, вижу я, слова сбылись
Балтийца - моряка.

В колхозе нашем „Новый Мир“
Я—знатный полевод,
И вся советская Сибирь
Узнала мой рекорд.

Я стала грамотной давно
И счастлива вполне—
Есть муж и сын, и дочка... но
Сознаться надо мне...

В моем комоде, под замком,
Как голубой туман,
Лежит под шелком и сукном
Линялый сарафан.

Частенько, собираясь в клуб
Или на съезд куда,
Я вспоминаю черный чуб
И давние года.

Не знаю — жив, не знаю — нет.
А если встречу вдруг?

Что скажет мне теперь в привет
Мечты далекой друг.

Хороший мой, веселый мой
Столичный кавалер...
(Сверкает куртка, взор стальной
И сбоку — револьвер).

1938.

ПЕСНИ ПЯТОЙ АРМИИ

Сибирская походная

Шагал боец - красноармеец,
Шагал в сибирские края,
Шагал в боях не первый месяц,
Шагал всю молодость в боях.

За Уралом,
За Байкалом,
За рекой за Ангарой
Вышибали генералов,
С песней шли в кровавый бой.

Подруга верная винтовка,
Красноармейский штык колюч.
Засады ждут на остановках,
Грозятся горы из-за туч.

Тайга жестокая, глухая.
Знамена ветер злобный рвет.
Боец идет не отдыхая:
Приказ Республики — вперед!

Шинель изорвана в атаках,
Навылет ранено плечо,
Но нет усталости ни знака,
И сердце бьется горячо.

Шагал боец-красноармеец
Дорогой дальней на восток,
Шагал — в боях не первый месяц —
По всей Сибири поперек.

За Уралом,
За Байкалом,
За рекой за Ангарой
Вышибали генералов,
С песней шли в кровавый бой.

Марш красных трубачей

Вперед, эскадроны, вперед!

Армия советская идет...
Пики наши крепки в стремени,
Кони наши добыты в боях.
Красный флаг к победам нас зовет..

Вперед, эскадроны, вперед!

Сабли легки,
Тяжелы клинки,
Налетай, секи,
Рубай с руки.

Отступает враг,
Убежал Колчак.
Да не выйдет так:
Попадет впросак.

Поднимай в галоп
Эскадронный топ,
Опрокинь в сугроб
Золоченый лоб.

Вперед, эскадроны, вперед!

Маршем по Сибири напролет...
Гнутся интервентские штыки,
Заняли Байкал большевики.
С песнями встречает нас народ...

Вперед, эскадроны, вперед!

На простор тайги
Рвется свист пурги.
Повода туги,
Не уйдут враги.

На земле родной
Мы встаем стеной:
Нерушимый строй
Огневой, стальной.

Конным вихрем мчись,
Налетай, держись,
Над седлом нагнись,
Бей японских крыс!

Вперед, эскадроны, вперед!

Красный флаг к победам нас зовет...
Лавой надвигаются полки,
Заняли Сибирь большевики.
Армия советская идет.

Вперед, эскадроны, вперед!

Песня под боевым знаменем

Запевайте песню, командиры,
Боевое знамя ветер вьет:
С ним прошли походом по Сибири,
С ним пойдем и завтра мы в поход.

Припев: С ним пойдем и завтра мы
В поход.

Запевайте песню веселее,
Храбрые и верные бойцы,
Как ходили вы на Енисее
Штурмовать таежные гольцы.

Припев: Штурмовать
Таежные гольцы.

Силе вашей не было преграды:
Смяты под ударами атак,
Пали чужестранные отряды,
Капель и Семенов, и Колчак.

Припев: Смяты
Под ударами атак.

Запевайте песню, партизаны,
Расскажите вашим сыновьям,
Как гремели старые берданы,
Били беляков по зимовьям.

Припев: Били беляков
По зимовьям.

Полыхала заревом урманов
На Байкале трепетная ширь.
Мужеством героев - партизанов
Славится советская Сибирь.

Припев: Славится
Советская Сибирь.

Запевайте песню дружным кру́гом,
Сталинская армия верна.
Ветераны, встанем друг за другом,
Молодежь подтянет в голос нам.

Припев: Молодежь подтянет
В голос нам.

Пулями пробитое, родное
Знамя наше к подвигам зовет,
Знамя наше реет боевое,
С ним пойдем и завтра мы в поход.

Припев: С ним пойдем и завтра мы
В поход.

ОГНИ ВИТИМСКОЙ ТАЙГИ

Сказы о Ленском расстреле

... И верьте мне, когда падут
И на Сибирь потоки света,—
Помянут с гордостью ваш труд
Стихи грядущего поэта.

И возвеличит вас народ,
И долго-долго будут милы
Ему, принесшие свой плод,
Давно забытые могилы...

Омулевский.

СЫН ТАЙГИ

Над заимкой
Снежной дымкой
Рассыпается пурга;
Белой шерстью горностая
Сыплет непогодь густая.
Спит Витимская тайга.

Пихтачи, насупив сучья,
Над берлогою бирючьей
Хвойным вздыбились шатром.
Занесло пути-дороги,
Ребра гор и перелогги.
Глухомань легла кругом.

Сторона наша, сторонка,
На сто верст—одна избенка,
Верст на тысячу—тайга:
Горы, тучи да снега.
Одинокие заимки
Скучно дремлют по зазимку;
Бабы вяжут, шьют да ткут,

Тянут длинную куделю
И на каждую неделю
Мужиков с белкóвьѣ ждут.

Зимний промысел тяжелый.
Лось ушел на суходолы,
Белка вышла в кедрачи,
Соболь россыпью кочует,
Выдра, лыжный бег зачуяв,
След запрятала в ключи.
Год ненастный, несчастливый.
В курных избах сиротливых
Вспоминали ряд примет,
Жгли лучину до рассвета,—
Не к добру выходит это:
Звероловов нет как нет...

Заненастила невзгода,
Все пурга да непогода—
Свету в окнах не видать.
Дикий ветер воев в злобе,
Врóвень с крышами сугробы
Наметала снегопадъ.
В феврале, порой холодной,
На заимке худородной,
Справив все свои дела,

Синеглазая Татьяна,
Жонка Федора Жигана,
Сына в полдень родила.

Завернув его в холстину,
Откусила пуповину.

Жарко вытопила печь,
Приготовила пельмени,
Пол подмыла на коленях—
Бабе некогда прилечь.

.
Сторона наша, сторонка,
На сто верст—одна избенка,
Верст на тысячу—тайга:
Горы, тучи да снега.

Нет жилья во всей округе.
Только ветер, только вьюга
Поднимает дикий вой,
Кружит снег все выше, выше—
И сугробы вровень с крышей
Над жигановой избой...

Два дня мучилась Татьяна,
Поднималась спозаранок,
Щи варила на обед,
Сына милого ласкала,
У окошка поджидала—
Мужика все нет и нет.

В третью полночь ждать устала,
Возле люльки задремала,
Истомилась, прилегла,
Прялку сдвинула в сторонку,
Забаюкала ребенка
И неслышно померла.

А на утро перевалом,
По хрустящим снеговалам,

Сквозь бушующий буран,
Не добыв собольей шкуры,
Измотавшийся и хмурый
Из тайги пришел Жиган...

ГОСТЕВАНЬЕ

Осенью в деревне Родниковой,
Подогрев купель у камелька,
Рыжий поп, хмельной и бестолковый,
Окрестил жиганова сына.

За четыре лисьих недомерка
Окунули в воду с головой,
Затворили старенькую церковь
И крестины кончили гульбой.

Побратимы, тетушки и дядьки,
Кумовья, племянник, свояки
Твердо знали старые порядки:
Принесли в подарок медяки.

Принесли копейки и алтыны—
Новокрестку, значит, „на зубок“
И в складчину справили гостины,
Потому что бедность—не порок.

Гостевал Жиган в семье у тестя,
Широко гулянку развернул:
Вся родня оплакивала вместе,
Захмелев, жиганову жену.

Теплых слов покойнице не мало
Насказали гости за столом
И чтоб слово зря не пропадало—
Запивали дарственным вином.

Пили брагу, сыченую с водкой,
Из стаканов битых и кривых,
Рыжий поп осипнувшею глоткой
Помянул и мертвых и живых.

А старуха-бабка по ошибке,
Иль с похмелья, может, потому
Поднесла играющему в зыбке
Чарку браги внуку своему.

Внук хлебнул, закашлялся и выпил,
На руках у бабки задремал,
Не слышал, как тенором, со всхлипом,
Многолетье поп ему орал:

— Окрещенну ч-а-д-у-ш-к-у Игнату
— Вековать да здравствовать, да пить,
— Развеселым парнем тароватым
— Много лет по нашему прожить...

— Много лет!

Забрякали стаканы.

— Много лет!

Ударила гармонь.

Загудели гости-гулеваны
И пошла плясать неугомонь.

Запевая песню про Кучума,
Гармонист уселся на порог...

Новокрёсток спал, не слышал шума,
Повернувшись в зыбке поперек.

.

Мутным квасом запили похмелье,
По домам разъехалась родня.
Скучно жить Жигану в староселе,
А к ружью—и руку не поднять.

Не вернуться, видно, на заимку.
Там осталось горе да тоска...
И Жиган надумал: по-заимку—
Попытать судьбу на „прииска́х“.

Сговорил отец его крестовый
Со своей артелью в дальний путь;
Дед и бабка вымолвили слово,
Что прокормят внука как-нибудь.

Собрались в дорожку честь по чести
(Пропадай лихая голова),
Распростился с тещею и с тестем,
И сынка в слезах поцеловал.

И пошли старатели пешочком
По тайге с зари и до зари;
За плечом болтаются в мешочках
Две рубахи, хлеб да сухари.

Сторона глуха и нелюдима,
У костров ночуют в хвойнике:
Путь не близкий вышел вдоль Витима—
Тыща верст... немеренных никем.

ПЕСНЯ КОПАЧЕЙ

Тайга моя, широкая—
— широкая, глухая.
Дороженька далекая—
— далекая, лихая.

Шумит тайга,
Зовёт тайга,
Ведёт тайга меня:

В ключах—вода,
В горах—руда,
Со мною лишь беда.

Удачи нет
И фарту нет,
И счастья нету мне:

Гольцы—круты,
Шурфы—пусты,
Пески—на глубине.

Пробил четырнадцать шурфов—
Ни самородка, ни шлихов:
Обманку гонит водомёт,
Лоток крупицы не даёт...

Пробил четырнадцать шурфов,
Пятнадцатый к утру готов,
Кричит сорока меж ветвей—
Примета верная, ей-ей...

Дроби, кайла,
Греми, кайла,
Грызи, кайла, смелей:

Ведь как-никак
Приметный знак—
Зеленый железняк.

Рука моя,
Судьба моя,—
Заложу шурф двойной:
Найду песок,
Возьму лоток,
Не фарт ли выйдет мой?..
Тайга моя, широкая—
— широкая, глухая.
Дороженька далекая—
— далекая, лихая.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

I

Кружит ветер листья желтые в логу.
Пробивается артель через тайгу.
Третий месяц роют ямы, шахты бьют,
Третий месяц на бутары воду льют.
Знаки есть, а россыпь прячет мерзлота..
Заколдованная жилка, маята:
Не прощупать ни колодцем, пи шурфом,
Понапрасну перерыли все кругом.
Измотались, обносились, захудали.
По привычке, по таежной голодали:
Хлебец, ягода да травка черемшà—
Только-только в теле держится душа.

Закружилась нынче шибко голова.

Никанор Авдеев, староста, в забое
В две кайлы с Жиганом землю роет,
Кум Елпаха да свояк, Михей Галдонин,
На промывке измочалили ладони.

Где усталость, где степенная повадка?
Подгоняет, крутит лихорадка.

На подноске рвет подметки меж камней
Двоеродный сват, Васютка Курнопей;

Камни скачут,
Грунт дымится,
Бьет струя.

Как чумная вся артельная семья.

Утро. Полдень. Сумерки. Закат.
Закусили кашей. Переспали кое-как.
На ключе ледком покрылся пережат,
Дует сиверко, куражится сквозняк.

Ну, да если счастье лезет в руки—не зевай...

Чуть рассвет, и заработала кайла.
Золотой крупницей россыпь потекла,
Промывальщик задыхается:—давай!

Камни скачут,
Грунт дымится,
Бьет струя.

Как чумная вся артельная семья.

.

— Что за чорт? Костер не греет...

Сонный староста Авдеев
Шапку в сторону свернул,

Поднял голову,
Взглянул.

В небе брезжит Звездный Путь,
Ветер шарит под бугром,
В прутняке седая муть,
Снежный пух лежит кругом.

Падь глухая побелела,
От костра—одна зола.
Невеселые дела...

3

У костра, в наметах снеговых
Пили чай. Судачили: как быть?
Обругали бога и святых,
И решили—надо уходить...

Весь припас: десяток сухарей
Да полфунта грязного пшена—
По артельной волюшке своей
Разделили—каждому сполна.

Никанор Авдеев вел дуван,
И у всей артели на виду,
Чтоб никто не пикнул про обман,
Шлиховую высыпал слюду.

Раздуванил блещущий песок,
Пять паев прикинул на руке...
И запрятал каждый в свой мешок
Золотую „крупку“ в кошельке.

Фунта по два на душу пришлось,—
Есть чем вспомнить Лиственную падь.
Знать недаром вдоль и вперекось
Приходилось ямы ковырять...

Схоронили шурфик под землей,
Валуном прикрыли в одноряд,
Под высокой, высохшей сосной
Промысловый спрятали снаряд:

Глаз чужой не сыщет, не найдет...
Затоптали головы костра.
Кушаки стянули. На поход
Помолился староста... Пора...

За ключом Витимская дуга,
Берега крутые, снеговые,
Впереди лохматая тайга.
Глядь—навстречу скачут верховые,

На ходу винтовками грозят,
Бьет коня урядник седоусый,
Не бежать, не спрятаться нельзя.
— Что попались, каторжные гуси?

Подскакал урядник залихватски:
— Поздравляю с фартом, копачи!
— Ну, теперь рассказывайте сказки,
— Не пришлось с добычей проскочить?..

Копачи в ответ ни полуслова,
Помутилось солнышко в глазах.
А урядник, властный и суровый,
Самолично всех перевязал:

— Становись в шеренгу, варначата!
Обыскал, раздел их догола,
Золотишко тут же опечатал.
Не впервые в этаких делах...

Шурф нашел. Заметил все, как было.
Протокол составил, подписал.
— Ты старшóй, немазанное рыло...
Никанора сгреб за волоса:

— Знаешь ты, где хищничал, дубина?
— Что отвесил кислую губу,
— Понимай, несчастная тварина,
— Тут земля барона Коцебу.

— Тут весной прииск будет новый,
— Видишь, столб казенный по ручью?
— Проглядел? Бродяга бестолковый,
— Что молчишь? На каторге сгною.

— Стань в шеренгу! Слушай без оглядки.
— Вот мое решение: так и быть,
— По уставу горного порядка
— Я могу, пожалуй, и простить...

— Золотишко ваше по закону
— Поступает полностью в казну,
— А самих представляю вас барону,
— Будто беглых с приисков вернул.

— На себя стараться не дозволю,
— На хозяев будете копать:

- Там работы каждому есть вволю.
- Вот мой сказ, бродяжья шантрапа.
- Марш вперед!..

.

Старатели споткнулись —
И пошли, покорные судьбе;
Только раз на ключик обернулись
(Не просить же каторгу себе).

А урядник в бороду хихикал,
Шапку поднял — будто генерал;
Тут удача редкая, гляди-ка
Пять шахтеров в день „завербовал“.

Рук рабочих нынче нехватает,
От хозяев тянутся вразбег.
По десятке прииск рассчитает —
Пригоняй хоть двести человек.

НОЧНОЙ ПРИИСК

Хмурая ночь наползает дремотой.
Лес да камень.
Тайга зубата —
Пенья, коренья,
Увал да болото;
Падь — пропадина,
Гора — горбата.
Ветер снежит.

В луговинах — слякоть.
Тянут деревья кривые сучья.
Хлябью хрустит
Моховая мякоть;
Зги не видать —
Сторона бирючья.

Этакой ночью лежать бы дома,
Спать на полатях, накрывшись шубой,
Мутит, глаза застилает дрема...
Голос урядника злой и грубый:
— Н-но, шевелись-шевелись, челдоны!..
Вздрогнул Жиган, зашагал быстрее,
Рядом споткнулся Михей Галдонин,
Кашлянул хрипло старик Авдеев.

Ветер поземкой хлестнул с размаху,
Под гору ломится конская рысь.
Сват Курнопей подтолкнул Елпаху:
— Холодно, дядя, шагай, не ленись...

Вот уж навстречу запахло дымом.
— В оба гляди, под уклон не сверни...
В черном распадке, над самым Витимом,
Тускло и редко мигнули огни.

Прииск...
Отвалы. Кривые избенки.
Зыбкие тени. Мерцающий мрак.
Из подворотней скулят собачонки.
Длинный, как гроб, растянулся барак.
— Стой! Заходи!..
Распахнулись двери.

Смрадом пахнула барачная мгла.
Нары в два яруса. Люди, как звери,
Скорчились тесно в промозглых углах.

Спят, словно бредят.

Храпят от удушья.

Стонут и кашляют дети во сне.

Желтые лампы коптят равнодушно,

Липкая плесень блестит на стене.

Под потолком, на веревке повисли

Мокрые тряпки, пеленки, белье...

Воздух в бараке дурманный и кислый,

Тленом дымится ночное жилье.

Тяжко хрипят утомленные груди,

Даже во сне их тревожит тоска.

Здесь собрались бесприютные люди

Темное счастье свое поискать.

Много их тут — забайкальских, иркутских,

Бывших крестьян, голытьбы, бедняков —

Смуглых бурят и китайцев, и русских,

Всех их сроднила судьба горняков,

Всех привела их нужда да неволя,

Волчья житуха, кабальная плеть.

Может, отыщется лучшая доля,

Может, придется и так помереть.

— Что там гадать?.. Заночуем, ребята...

Старый Авдеев, крестом осенясь,

Снял свой холщевый армяк дыроватый

И распустил ремешок-самовяз.

- Спать здесь не сладко, да мы ведь не бары,
- Наша перина — доска на земле.
- Нары полны, так полезем под нары —
- Все же под крышей оно веселей..

ПРИСКОВЫЙ ФАРТ

Говорят, что не было и было,
Золотая сказка не удел:
Там кому-то будто пофартило,
Кто-то сразу вдруг разбогател..

В приискòвом, низеньком бараке
Вечерами рассказы идут,
Голосит пропившийся гуляка:
— Пофартило — только на беду!
Жизнь идет без фарта, без просвета,
На душе забота да тоска;
Голодай разутый и раздетый.
— Вот они какие „прииска“...

Каждый день с восхода до заката
В черных шахтах бухают кайлы,
Липкий дождик сыплется с наката,
Темной пастью щерятся стволы.

По стволам, по штрекам, по забоям
Мерзлòта укрыла пльвуны,
Гул идет от каменного боя,
На куски дробятся валуны.

В полусвете двигаются тени,
Леденеет зыбкая вода.

Становись, забойщик, на колени,
Разверни покрепче свой удар.

Рвет кайла без отдыха, без срока,
Прогрызает злую мерзлоту.
Но земля таежная глубока,
Тесный ход забился в темноту.

Черный ход сырой, заиндевелый —
Там таится золото в песках.
Добывай его остервенело...
— Вот они какие „прииска“...

Дураки о фарте здесь мечтают:
Богател ли кто в своем труде?
Обдерут в конторе, обсчитают,
Не поймешь и заработок где.

Штраф да вычет в каждую получку.
Шапку сняв, покорно распишись, —
Поглядит кассир на закорючку
И швырнет хозяйские гроши:

Получай, мол, все, что причиталось,
Недоволен — жалуйся, иди...
Заливай проклятую усталость
Горькой водкой, горе бередит.

Спиртоносы ждут не понапрасну.
Ходовой товар у них готов.
Покупатель пьяный, разнесчастный
Не жалеет собственных голов.

От такой житухи невеселой
По тайге шатается народ

Бесприютный, хмурый, полуголый —
Ищет фарт, а счастья не найдет.

Вот зато хозяева счастливы —
Фарт гребут старательской кайлой:
Золотые россыпи-разливы
На ключах,
В земле
И под землей.

Богатеют промыслы без меры:
На копейку — рублик барыши.
Поднялись купчишки изуверы,
Капитал считают торгоши.

Застолбили горы и долины,
Бьют шурфы спросясь и не спросясь.
Растянула нити-паутины
Золотая, бешеная власть.

Богатимо прибыльное дело.
И никто не встанет поперек:
Все начальство куплено умело,
Сам хозяин нынче царь и бог.

Кровь и пот он с золотом глотает.
А старатель, россыпь отыскав,
День и ночь кайлу свою мотает...
— Вот они какие „прииска“ ...

ПЕСНЯ ЗАБОИЩИКОВ

Двадцать сажен глубины.
Дыбом встали валуны.
Черный лед и мерзлота.
Шахта гулом налита.

Возле каждого угла
Бьет шахтерская кайла—
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...

Не подумай, братец, ты!—
Мы ведь люди, не кроты;
Пусть проходит день за днем,
Не напрасно спины гнем—
Роем шахту, не могилу,
Копим ярость, копим силу.
Кто нам встанет поперек—
Царь, хозяин или боги?

Будет день—сведем мы счета,
Подведем свои расчеты;
Наша песенка верна—
Рассчитаемся сполна!

Тридцать сажен глубины.
Хрипло дышат пловуны.
От зари и до зари
Тускло лампочка горит.

Возле каждого угла
Бьет шахтерская кайла—
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...
Не подумай, братец мой,
Что запуганы мы тьмой.
Руки крепки, сердце бьется,
В сердце ненависть грызется,
Тлеет искра—будет пламя,
Мы поднимем наше знамя.
Кто нам встанет поперек—
Царь, хозяин или бог?
Будет день, ударит гром;
Все на свете повернем.
Наша песенка верна—
Рассчитаемся сполна!
Сорок сажен глубины
Мерзлотой закреплены;
Только, братец, не робей,
Бей, забойщик, крепче бей!

МАМКА АЛЕНА

1

Всякая пословица истине поклонится:
Бабий век—сорок лет...
Может—правда,
Может—нет.

Подрастала, песни пела,
Косу черную плела,
С каждым годом хорошела—
И румяна и бела.

На вечорках-посиделках
Хороводила парней,
Парни—в праздничных шинелках—
Увивались вслед за ней.

Был один чубатый, русский,
Крутоплечий весельчак,
Батрачонок бритоусый
И по прозвищу Варнак.

Миловалась с ним украдкой,
Обнимала горячо,
Молодым казалось сладко,
Все на свете нипочем.

Но увяло счастье скоро,
И пришел любви конец.
Мать накинулась с укором
И с побоями отец.

Непригоже старOVERу
Выдать дочь за батрака,
Да еще не нашей веры,
Голодранца, чужака.

Пригрозил отец сурово:
Ты, мол, лучше не дури

И свое девичье слово,
Как прикажем, говори...

Вся родня взялась за дело.
Парня—в рекруты, долой.
К девке сваха налетела:
— Слезы, милая, умой...

Мать иконам поклонилась:
— Слава господу-христу.
— Эко счастье, божья милость,
— Люди ценят красоту...

Сам кабатчик выслал сватов,
Деревенский богатей;
Правда, с виду кривоват он,
Не в почете у людей;

Ну, да что ж, зато в достатке
Будет дочка вековать,
Спать на шелковой укладке,
Золотую пряжу ткать.

На девишнике гулёны,
Пели девьи голоса:
— Ах, Алена, свет Алена,
— Пропадет твоя краса...

3

Нагадали подружки судьбу,
Ворожейные песни сбылись.
Невеселая, горькая жизнь—
В мужнем доме, как в пышном гробу.

Новобрачной поплакать пришлось.
Муж обиды своей не таил,
Неуемную, дикую злость
По ночам на жене отводил.

Волю дал кулакам и плетям,
Толковал о разводных делах.
Все терпела Алена, ждала,
Знала: бьется под сердцем дитя.

Стиснув зубы, без стона, она
В ледяную октябрьскую ночь,
Ненасытную болью полна,
Родила—недоношенной—дочь...
Муж явился под-утро, хмельной.
— Ах, ты, сука... и вмиг протрезвел.
Властный голос навстречу звенел,
Нож поблескивал тонкий, стальной:

— Если тронешь ребенка, убью!..
Отшатнулся кабатчик назад,
Как пришибленный, сел на скамью,
Не осмелился слова сказать...

Жизнь как будто пошла веселей.
Наезжала родня поздравлять.
Но старуха, алена мать,
Не узнала Алены своей.

Равнодушна, спокойна, бледна,
Спросишь что, а ответ—с холодком.
Все молчит да сидит у окна,
Плечи кутает серым платком.

Стало тихо в богатой избе;
Темным камнем лёгла тишина.
Как чужие и муж, и жена,
Опостылев, замкнулись в себе..
Так и прожили десять годин...
А потом („видно милостив бог“)
После пышных своих именин
С перепоя кабатчик издох.
В староверской часовне, в скиту,
По уставу отпел его поп,
И кедровый, колодовый гроб
Закопал пономарь-хлопотун.
Не всплакнула ни разу вдова;
Торопилась скорей помянуть.
И, поминки закончив едва,
Вместе с дочкой отправилась в путь,
Ненавистное бросив жильё,—
Пусть другие его берегут,—
Захватила приданье свое
И ушла—первопутком—в тайгу.

4

Никанор Авдеев, староста матерый,
Нанял новую стряпуху на подряд:
Чтоб кормились во-время шахтеры,
Чтоб бельишко мылось у ребят.
В прискоковой жизни без утаек
Ищут теплый, ласковый уют
И стряпух, заботливых хозяек,
По-шахтерски, „мамками“ зовут.

У артельной, этакой мамашы
Каждый день до вечера хлопот:
Варит щи, готовит ведра каши,
Пухлый хлеб ковригами печет.

Домовницы—верные подруги
Для своих „сыночков“ дорогих
Залатают драные дерюги
И рубахи вымоют для них.

Семь „сынков“ у мамки, у Алены,
Семь „сынков“—один другого стоят.
И у всех, судьбою закаленных,
Бьется сердце теплое, простое.

И у всех, плечистых, неуклюжих
Задуманы сдержанные речи.
И живет Алена здесь, не тужит,
Согреваясь лаской человечьей.

Обжилась и прошлое забыла.
Светит жизнь дорогою открытой.
Где-то там—проклятая могила,
Может быть, и горе в ней зарыто..

Семь сынков, шахтеры удалые,
Кликут: „мамка“,—дети с бородами,
Все они уж люди пожилые
И по жизни старше, и годами.

Никанор Авдеев ей папаша,
Весь седой, а тоже ходит „сыном“,
Говорит ей: „маменька ты наша,
— Угости-ка щами с солониной...“

Измотавшись выйдут из забоя—
Надо быть, казалось, злее злого,
А они являются гурьбою,
Каждый скажет ласковое слово.

Всем сынкам улыбчива Алена,—
Человечья ласка дорога нам,—
Но из всех отметила челдоиа,
Баргузинца, Федора Жигана...

5

Сероглазый, русый, хлопотливый,
Он казался близким и родным.
И Алена сердцем сиротливым
Хорошо беседовала с ним.

Было что-то общее, такое,
Что бывает только в сорок лет,
Когда сердце редко беспокоит
И не ищет нежности в ответ.

Он—вдовец. И сын его подросток,
Был погодком дочери ее.
Толковали дружески и просто
Про житье таежное свое.

О любви они не говорили,—
Впрочем, кто их знает—что и как,
Только скоро прииск удивили
И семья прибавилась в барак.

Так у „мамки“ нашей, у Алены
Дочь и сын, и муж из горняков,

И еще, в придачу, бьют поклоны
Шесть шахтеров, ласковых „сынков“...

6

Бабий век—сорок лет...
Может—правда,
Может—нет.
Всякая пословица истине поклонится.

ТАЕЖНОЕ ДЕТСТВО

1

Жемчужным кружевом черемуха в лесу,
Богульник—алыми кострами на мысу.
Над половодьем голубеет легкий дым,
Вздувает волны в заводях Витим,
На крыльях птиц врывается весна...
Кедрач размяк. В тайге цветет сосна,
Горячей смолю пахнет ветерок,
И облака уходят на восток,
И солнце льет потоками тепла
Туда, где зелень новая легла.

2

По теплу, по весенней распутице
Ручейки разлились в черноталах,
Дети моют в сверкающей лужице
Сероватый песок на отвалах.

Подражая бывалым старателям,
На лотках самодельных еловых,
Молодые друзья и приятели
Промывают отменно толково.

Приискковое детство не бѣлует,
Школы нет, а играть надоело.
Ну, и если начальство пожалует,
Принимаются дети за дело...

Разрешил господин управляющий:
— Пусть ребята копают всё лето,
— Примем золото, как подобающе,
— И заплатим наличной монетой...

Приискковое детство не бѣлует,
Лишний грош для семьи пригодится;
Малолетки ребята удаые,
На заре им спокойно не спится.

Вместе с батьками, с мамками, босые
На работу выходят с гудками.
Словно птицы разноголосые,
На песках суетятся с лотками.

Тащат ведра, лопатами брякают,
Копошатся в студеных протоках,
Перелогам да буераками
Забиваются в землю глѣбоко.

Нет суровее жизни, безжалостней,—
Тянет россыпь проклятую жилу,
Не до прихотей тут, не до шалостей,
Груд для детской руки не под силу.

Но ребята примером приучены
И идут по отцову завету,
Перерыли лога и излучины—
От работы отказчиков нету.

Их не манит весна свиристелями,
На гулянку они не охочи,
Как большие, разбившись артелями,
Подражают ребята рабочим.

У Игнашки Жигана артельница
Быстроглазая Настя, сестрица,
В присковой семье рукодельница
И на песни куда мастерица...

Сводный братец с сестрой неразлучные,
Точно две ивняковые ветки,
Никогда не увидишь их скучными:
С песней дружно живут однолетки.

3

Босоногих подростков старателей
Управляющий даже похваливал
И Алене, удачливой матери,
Как-то встретившись,
Сам наговаривал:

Молодцы, мол, ребята примерные,
Подработают пусть на отвалинах..
Нам нужны-де рабочие верные,
Чтоб ценили заботу хозяина.

Приглашал управляющий ласково,
Будто Настю впервые увидел:
— Приходи мыть полы перед пасхою,
— Да не бойся, не будешь в обиде...

Но Алена речиста и сметлива,—
Поняла управителя сразу,—
Поклонилась за дочку приветливо
И ответила твердым отказом:

- Наши дети неграмотны, темные,
 - В барском доме им быть неповадно.
 - Вот бы школы открыли народные...
- Управляющий крикнул досадно:
- Школы? Детям рабочих? Фантазия!
 - Вашим детям не нужно науки.
 - Здесь, вы знаете, все-таки... Азия
 - И в цене только... умные руки...

ОБВАЛ

1

В темном штреке воздух глух,
Грунт слоистый, ледяной...
Слышно только: бух да бух!
Углубляется забой.

Лампа желтым светляком
Чуть мерцает языком.
На простенках лед блестит,
Под кайлой песок хрустит.

Узкой, глинистой норой,
Между каменных стамух,
Вглубь земли ползет забой,
Слышно только: бух да бух!

Горный мастер, сволочь, гонит,
А в обшивке — два бревна...
Земляная тяжесть клонит,
Крепи держатся едва.

Льет вода, стучат камёнья,
Надрываются кайлы.
Тени, словно привиденья,
Бьются в мерзлые углы.

Изодрали все ладони,
Бревна ткнули под навес;
Горный мастер, сволочь, гонит,
Бережет хозяйский лес...

Дотянуть хотя бы смену,
Пусть крепильщиков дают.
Рвет кайла крутую стену,
Ждет откатчик на краю.

Слышно только: бух да бух!
Крепь сгибается все ниже;
В темном штреке воздух глух.
Подошел забойщик ближе,
Размахнулся, тюкнул — раз!
Искры брызнули из глаз...

Бревна лопнули, как спицы,
В штреке ветер засвистел,

Потолок пошел кривиться,
Покачнулся... и присел.

В плавуну над водоемом
Черным льдом прошла слюда,
Гул подземный грянул громом,
Злобно всхлипнула вода...

Свет погас... Запахло илом...
Заглянул откатчик: „ой,
— Братцы, братцы, завалило!
— Помогите, там ведь свой!

— Помогите! Погибаем!..“
Голос замер на лету.
Крепи охнули, сгибаясь,
И пропали в пустоту...

2

Откопали их на утро, четверых.
Откопали их, знакомых и родных...
Слезы редкие утер Жиган рубахой:
— Жалко всех, а больше всех — Елпаху.

— Вместе фарт мы с ним искали много лет.
— Кто же даст теперь за смерть его ответ?

Зашумели горняки, заговорили,
Узловатыми руками загрозили:

— Мастер горный, сволочь,
— Гнать его, ворону!..
— Управителя к ответу, по закону!

- Мастер — сволочь,
- А хозяин, взять в пример...
- Тише, братцы, вишь подходит инженер...

Подошел костлявый, сонный англичанин:

- Би о чом ето, робьята, закричали?..

Мастер быстро подкатился: — Так и так,

- Виноваты сами,
- Не извольте беспокоиться, пустяк!
- Сами плохо закрепили, а кричат:
- Вот расчет дадим — тогда и замолчат.
- Расходитесь!

- Погоди, не тычься очень...

Зачесались крепко руки у рабочих,

Не стерпел Жиган, ударил мастера с размаху:

- Получай же, шкура, за Елпаху...

Тяжело вздохнули сдавленные груди.

- Что для вас рабочие:
- Скотина или люди?..
- Эй, товарищи, смотрителя на тачку!
- Прекратить работы!
- Стачку!!!

- Верно! Правильно! — кричали горняки.

А навстречу, высоко подняв клинки,

Подлетали конные жандармы.

- Берегись!
- Расходись, товарищи, покуда, расходись...

ЛЕНСКАЯ СТАЧКА

1

В шахтах — пусто,
В штреках — пусто;
По утрам гудки молчат.
Клеть тяжелую не спустит
Оцинкованный канат.

На отвалах мерзлым пухом
Все тропинки замело,
Только плюхается глухо
Вьюги снежной помело.

Только горная дорога
Гололедицей гремит,
Только тайная тревога
Темным облаком летит...

В мастерских потухли печи,
Иней жжет колосники.
Пыль и ржавчина калечит
Сиротливые станки.

Все затихло.
Все остыло.
Все умолкло... Снег и лед!
И никто в забой постылый
На работу не пойдет...

Наша воля крепче стали,
Сердце бурей бьет в груди:

Горняки забастовали
Грозно,
Дружно —
Как один...

2

Забойщики, откатчики,
Крепильщики, шахтеры,
Проходчики, накладчики,
Бурильщики, монтеры.

Подземные, надземные,
Драгеры, монтажисты;
Бессменные и сменные
Путейцы машинисты.
Бастуют все рабочие, все шахты в холостую.
Бастуют все рабочие, все прииски бастуют.

Порукой кровной связаны,
Рабочей думой — вместе,
Плечом к плечу не раз они
Встречали злые вести.

Не раз, по безработице,
Случалось, голодали;
Не раз пришлось заботиться,
Чтоб вовсе не пропали...
В содружестве приучены
Итти к великой цели,
В ярме лихой покручины
Иные поседали.

Но старые и малые,
И женщины, и дети
Встречают, как бывалые,
Напасти все на свете.

Не выдадут товарищей:
Стеною друг за друга.
В огне зари пылающей
Витимская округа.

Сибирь, земля кандальная,
Ломай тайгу густую!
Окрестные и дальние —
Все прииски бастуют..

3

Мастер вывезен на тачке.
Управитель глаз не кажется.
Сорок дней гуляет стачка ..
— Что-то нам начальство скажет?

Скоро должен быть ответ.
Согласятся или нет?..

„...Есть иль нет у нас законы,
Мы желаем их иметь.
Пусть берут назад „талоны“
И деньгами платят впредь.

Что положено — исполни,
Штрафы, вычеты — долой.
Чтобы все были довольны
И обиды никакой.

Труд свободный не насилуй,
Баб в работе не гноить,
Мы немного запросили:
Только б можно было жить...

Честный труд — цени по чести,
Труд рабочих не игра:
Пусть надсмотрщики на месте,
А жандармов прочь убраться!

Чтоб таежному народу
Не пришлось на вас пенять,
Арестованным — свободу
И уволенных принять!

Таковы у нас резоны
На душе и на уме.
Есть иль пет для нас законы?
Мы желаем их иметь...“

.....
Сорок дней бушует стачка,
Управитель глаз не кажет,
Мастер вывезен на тачке...
Что-то нам начальство скажет?

Скоро должен быть ответ.
Согласятся или нет?

4

Поснедали хлебушка на ужин,
Вместо чая — выпили водицы,
Затянули пояса потуже.
Время спать, а никому не спится.

Тараторки-мамки загрузили,
Ребятишек греют на коленях,
Очаги давно уже остыли —
Дров в сарайке нету ни полена.

Все ларьки и лавки позакрыты.
Под замком конторские ворота,
У ворот, на гвоздиках прибитый,
Лист —
Приказ компании Лензото.

...Для охраны вызвали казаков...
...Три дня сроку дали в размышление..
...Выселять грозятся из бараков..
...Пишет так из Питера правление...

Поздний час, а никому не спится,
Собрались шахтеры думу думать,
Потемнели каменные лица,
Голоса тревожны и угрюмы.

— Как же быть, товарищи, что делать?
— Голодаем долго... Силы нету...
— Нам нужна всю душу переела...
— Жизнь у нас глухая, без просвету...

— Соглашаться, выйти на работу!..

Подскочил Жиган, остервенился:

— Видно мало пролили мы поту,
— Чтоб хозяин золотом давился.

— На работу выйти? По приказу?..

— Значит стачку по́-боку?.. В попятный?..

Поднялись, заголосили сразу:
— Нет у нас дороженьки обратной!
Никанор Авдеев крикнул: — тише,
Головой тряхнул седобородой, —
— Надо нам пожаловаться выше,
— К прокурору выйти всем народом...
Самокрутки чадно задымились,
Разгадал старинушка задачу.
— Ты скажи, пожалуйста, на милость,
— К прокурору... Верно, не иначе...
Обсудили дело дружным кру́гом,
Все сомненья были пережиты:
Порешили — выйти всей округой,
К прокурору. Требовать защиты.

ПРИИСК НАДЕЖДИНСКИЙ

Россыпь шла на подгорье, в раскате,
Пласт под камень запутала тайно,
И бродяга, копач-приискатель
Самородок нашел здесь случайно.
Понадеялся крепко бедняга, —
Никогда не везло ему прежде, —
Сколотил он шалаш на листьягах,
Назвал шахту „Святая Надежда“.
Стал копать, промывать помаленьку.
Думал к осени выйти богатым
И родную свою деревеньку
Удивить кошельком тароватым.

Но старателя этим же летом
Закололи в тайге душегубы.
Это было давно... По приметам,
С той поры самородки — на убыль.

Но осталась глубокая россыпь,
И, хозяйскою волей, как прежде,
Этот прииск на вывесках носит
Величавое имя Надежды.

.....
На Надеждинском жителей много
И дома здесь отменной постройки.
И сюда столбовою дорогой
Часто мчатся казенные тройки.

Бубенцы заливаются гулко,
Ямщики погоняют с охотой,
Пролетают кривым переулком —
Прямо к главной конторе Лензото.

Резиденция здесь. Управление.
Становой, прокурор и жандармы.
Деревянный острог в отдаленье
И солдатские даже казармы.

Понимай, значит, чувствуй, надейся—
Вся таежная власть воедино:
Поклонись (да смотри, не убейся),
Полицейские ходят за тыном.

Высоки столбовые ворота,
Широки, изукрашены двери;
Да не суйся, а то поворотят:
Тут рабочему люду не верят.

Тут рабочему нечего делать,
Проходи поскорей, без оглядки;
Здесь недаром запевка гудела —
— На Надеждинском круты порядки,
— Не надейся.. Тюрьма наготове.
— Жандармерия—на удивленье...
Для таежного жителя внове:
Резиденция тут... Управление...
Целый город поднялся, как в сказке.
Эта сила зовется—Лензото.
И отсюда идет по указке
Кабала с нищетой и заботой.
Царь и бог капитал защищают,
Им не слышно голодного стона,
Кнут и штык бунтарям обещают.
Где тут правду искать по законам?..

НА БЕРЕГАХ ДАЛЕКОГО ВИТИМА

1

По дорогам приискóвым,
По тропинкам вересковым
Шли они со всех сторон.
Горы хмурые стояли,
Реки мутные играли,
Темный лес шагал вдогон.

Затянуло солнце дымом,
Тучи плыли над Витимом,
Гулко падала капель—
И в тайге, в лесных разломах,
На полянах незнакомых
Стаей птиц шумел апрель.

Но зарю весны встречая,
Люди шли не замечая—
Не для них весна цвела...
По увалам и оврагам
Шли они тяжелым шагом,
И над ними туча шла.

Туча темная, густая
Крылья в небе распластала,
Солнце спрятала в башлык.
Обрывая камень дикий,
По ущельям ветер гикал,
А они все шли и шли.

От шагов земля дрожала.
Впереди их тень бежала,
Тень легла на небосклон:
В полдень—будто в полночи—
Шли две тысячи рабочих
По тайге со всех сторон.

2

Забойщики, откатчики,
Крепильщики, монтеры,
Проходчики, накладчики,
Бурильщики, шахтеры.

И старые, и малые,
И женщины, и дети,
Голодные, усталые
Явились за ответом.

Слова у них рассчитаны—
Чье сердце не затронут?
Найдется ли защита им
По правде, по закону?

Сошлись они сегодня здесь
Для мирных разговоров.
Какую же услышат весть
Две тысячи шахтеров?

Что скажет пасынкам своим
Таежная дорога?
Какой ответ готовит им
Закон царя и бога?..

Но вот последний переход,
Шагай не отдыхая:
За перевалом прииск ждет,
Зарница полыхает.

Солдат-горнист дудит в трубу,
Поет, рыдает медь:
Иди, встречай свою судьбу,
Кто хочет умереть...

3

Бескозырки. Шинели. Штыки.
Частокол на дороге. „Куда вы?“

Неподвижно стоят горняки.
— Берегитесь, детишек задавят...

— Ничего... потихоньку... пройдем...
Потеснились. Толпа прибывает.
Но солдатские цепи кругом
И колючая сталь как живая.

И опять засигналил горнист.
— Что вы? Что вы?.. — И вдруг —
захлебнулись.

Гром! Огонь! И стремительный свист!..
Беспощадно ударили пули.

Беспощадно рокошет сигнал,
С хрипом дышат солдатские груди.
Кто-то крикнул и грузно упал.
И земля покачнулась, и люди.

— Отступайте! Бегите! Назад!!!
Повалились ряды. Застонали.
Кровь и слезы смешались в глазах,
Но винтовки пощады не знали.

Гром! Огонь! И стремительный свист!
Раскаленные дула дымятся,
И опять засигналил горнист...
— Прощевайте, товарищи, братцы...

Рухнул старый Авдеев. Устало
Бородою уткнулся в сугроб.
Рядом девушка Настя упала,
Зажимая простреленный лоб.

И еще, и еще... Повалились...
Закричала Алена:—Спасите!..

.

На снегу багровёлая сырость;
Камни солнцу кричат о защите,
Люди просят пощады у неба.
Но напрасно. Холодные тучи
Надвигает проклятая небыль;
Неприветливо скалятся кручи,
Вешний ветер, как смертная стужа...
Кровь дымится в сугробах и в лужах...

КЛЯТВА ИГНАТИЯ ЖИГАНА

Не шумит тайга густая, не шумит.
Ночь тяжелая. И зверь, и птица спит.
Ночь безлунная, угрюмая, темна.
Даже звездочка на небе не видна.
Тучи путаются низко над землей,
Сосны старые качают головой.
На лосиных тропах вдоль болот
Куржавёт инея налет...

В эту ночь, на зимовье в Глухом Логу
На витимском, леденелом берегу
От раскрывшихся своих кровавых ран
Умирал на топчане старик Жиган..

Привезли его дорогою лесной
Милый сын с любимую женой,

В непогодную распутицу и грязь
Привезли его украдкой, хоронясь.
Возле дымного, ночного камелька
Умирал он на алениных руках.
Он не плакал, не прощался, не стонал —
Он товарищей убитых вспоминал...

Не шумит тайга густая,
Не шумит.
Лед в разливах нарастает,
Ветер спит.

Туча крылья свои тянет
Над землей.
Горы спрятались в тумане
С головой.

Этой ночью, часом поздним
Не грустить.
Сын отцу поклялся грозно
Отомстить.

Сын отцу поклялся твердо,
Навсегда,
Непреклонным быть и гордо
Жизнь отдать.

Жизнь отдать за дело чести —
На борьбу
И рабочей силой вместе
Бить судьбу.

Бить, не гнуться под ударом,
Бить в упор:

И хозяевам и барам—
Дать отпор.

На крови отца поклялся
Верный сын.
В путь далекий он собрался
Не один.

На могилах у Витима
Каждый год
Клятва мести нерушима—
Кровь зовет.

Кровь отцов, друзей и братьев—
Алый флаг.
Поднимает наша клятва
Твердый шаг.

Шаг рабочий крепнет в буре. Путь—
широк.
Клич борьбы летит на запад, на восток...

*Витимская тайна—Лена—
Иркутск, 1936—1938.*

Пояснения автора

А р г и ш и т ь—кочевать.

Б а й д а р а—легкая лодка, обычно деревянный остов, обтянутый кожей морского зверя—моржа или тюленя.

Б е л к о в ь е—выход охотников за белкой, существует как особый вид охотпромысла.

Б у т а р а—простейшая золотопромывальная установка при разработке россыпных месторождений.

Г у р а н—гураны, дикие косули.

В и т и м—река, правый приток Лены. Почти на всем протяжении Витима (около 2000 км) лежит Баргузинская золотоносная тайга.

Г о л е ц—гора, иногда покрытая лесом, но с голой вершиной.

З а с т о л б и л и—при открытии золотоносных участков, территории их обносили столбами, указывавшими, что на данное место подана или имеется уже заявка на право разработки.

З и м о в ь ё—жилая, но не всегда обитаемая постройка в тайге.

З о л о т о—в россыпных месторождениях пескообразное, отсюда обычные названия: крупка, песочек, пыль, крупица.

К а ю р ы—каюр, погонщик собачьей упряжки.

К о л о н к и—колонок хищный зверек, имеет ценную шкурку.

К о п а ч и—прозвище старателей; обычно копачей отождествляли с хищниками, работавшими без разрешения и зачастую на чужих заявках.

К у м у л а и— меховой коврик с вышивкой и др. украшениями.

Л а й к а—сибирское название породы промысловых, охотничьих собак.

Л е м м и н г и—полярные крысы, русское название— „пеструшки“.

Л е н з о т о—так называлось Ленское Золотопромышленное Товарищество, акц. общ-во, эксплуатировавшее полновластно все золотые прииски нижнего Витима и Олекмы в годы 1896—1917.

Л о т о к—деревянное корытце, простейшее золотопромывальное приспособление для ручной промывки.

М ы ш к у е т—так говорят на севере о мелких хищниках, охотящихся за мышами.

О т в а л ы—отбросы промытых грунтов—песков.

П а д ь—узкая долина, отсюда „распадок“—ущелье.

П а р к а— меховая шуба особого покроя.

П е с к и—так называются все золотосодержащие грунты.

П р и и с к— „прииска“, как правило, сибиряки вместо „прииски“ говорят „прииска“. Такое же ударение отмечается во всех приисковых песнях.

С а р а н к а—растение, сибирская орхидея, имеет сладкие корни—луковицы.

С е л ь д ы т к а—вид енисейской рыбы, мелкая сельдь.

С л а н ь, с л а н и к—мелкий, кустарниковый кедр.

С у г л а н—съезд, собрание.

У р б ч ь—урочище, безлюдное, дикое место.

У н т ы— меховая обувь.

Ч е р е м ш а—дикий лук с широкими листьями.

Ч е р н о т а л—разновидность ивняка.

Ш и в е р а—каменистая отмель, мелкие пороги.

Шлихи—тонкий налет на золотых крупинках, обычно легко отделяемый.

Шурфы—подобия колодцев, иногда простые ямы, где производится добыча золота из мелких россыпей. Так же называются небольшие пробные шахточки.

Шуга—ледяные иглы, смерзающиеся в льдинки, обычное явление в Сибири перед рекоставом.

Ягель—олений мох, ягельник—моховое болото.

СОДЕРЖАНИЕ

Песня на Витиме	3
Весна окраин	
Енисейская легенда	7
Праздник тундры	17
Весна окраин	30
Колымский почтальон	31
Враг тундры	33
Охотник	36
Байкальские рыбаки	38
Загон лося	39
Весна Якутии	42
Гудок в тайге	44
Прииск „Новый“	45
Песня ленских шахтеров	47
Мои друзья, северяне...	
Московский меридиан	51
Флаг на островах неизвестных	57
Арктический полет	58
Море Баренца	59

Проводы друга	60
На фабрике	61
Утро в Бурульзае	62
Возвращение в тундру	63
Резьба на мамонтовом бивне	64
Старые колымские песни	70

Далеко, в стране Сибирской...

Далеко, в стране сибирской	79
Усольская колокольня	98
Маруся Иркутянка	105
Военмор в Сибири	109
Песни пятой Армии	115
Огни витимской тайги	121

Пояснения автора	171
-----------------------------------	------------

Отв. редактор Б. Вадецкий. Техред. М. Клинской.
Корректор М. Комченко.

Сдано в набор 20/III-1939 г. Подписано к печати 8/IV-1939 г. Бумага 60×92. Бум. листов 2,75. Печ. листов 5,5. Уч.-изд. 8. Тираж 3000. Огиз № 1113. Уполн. Обл-лита № 4022. Заказ № 844.

Цена 3 руб. 60 коп. Переплет 1 руб.

Отпечатано в Иркутской тип. Огиза треста „Полиграф-книга“, ул. Карла Маркса, 19.

